

На правах рукописи

Рендл Марина Валерьевна

**ОТ МОДЕРНА К ПОСТМОДЕРНУ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ
ОСНОВАНИЯ ПАРАДИГМАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ**

09.00.13 – философская антропология, философия культуры

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Ростов-на-Дону, 2017 г.

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова», г. Новочеркасск

- Научный консультант:** **Любченко Василий Сергеевич**
доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова», заведующий кафедрой «Философия право»
- Официальные оппоненты:** **Бакланов Игорь Спартакович**
доктор философских наук, профессор, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», профессор кафедры философии Гуманитарного института
- Волков Владимир Николаевич**
доктор философских наук, профессор, ООО «Гудвил Интертеймент», главный редактор журнала «Постмодерн»
- Малишевская Наталья Александровна**
доктор философских наук, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения», профессор кафедры «Иностранные языки»
- Ведущая организация** Федеральное государственное бюджетное общеобразовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет»

Защита диссертации состоится 31 мая 2017 года в 15:00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.208.13 по философским наукам на базе Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южный федеральный университет» по адресу: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42, зал заседаний диссертационных советов.

С диссертацией можно ознакомиться в зональной научной библиотеке им. Ю.А. Жданова Южного федерального университета по адресу: 344103, г. Ростов-на-Дону, ул. Р. Зорге, 21ж. Электронный вариант текста диссертации размещен 23.01.2017 г. на официальном сайте Южного федерального университета по адресу: <http://hub.sfedu.ru/diss/announcement/b539841e-2709-465c-a275-3400fa232291/>.

Автореферат разослан «31» марта 2017 г.

Председатель
диссертационного совета

Е.Е. Несмеянов

Актуальность темы исследования. Начиная со второй половины XX в., современность – modernity – остается одной из самых полемичных, дискурсивных, широко обсуждаемых в рамках гуманитаристики тем и, вместе с тем, одной из самых проблематичных. Что представляет собой современное социокультурное пространство на Западе? Какие тенденции в культуре обусловили динамику его развития? Носил ли данный процесс случайный, хаотичный характер или был, наоборот, строго детерминирован? Какие базовые идеи лежали в основе трансформации европейской культуры, ее перехода от модерна к постмодерну? На основании каких факторов осуществлялись процессы индивидуальной и социальной инкультурации? Что повлияло на трансформацию аксиосферы культуры?

Данные вопросы являются крайне актуальными сегодня, в условиях нарастания культурных конфликтов, в период парадоксального сосуществования политики мультикультурализма и вызванных ею острых социальных коллизий.

Философская антропология, философия культуры, социальная философия, культурология и другие гуманитарные дисциплины предлагают самые разные варианты ответов, которые раскрывают ту или иную сторону современного социокультурного пространства. В исследованиях тема modernity преимущественно представлена как «радикальный модерн», «общество риска», «индивидуализированный социум», «гиперреальность», «информационное общество» и др. С одной стороны, данные понятия включают в себя мировые достижения технического и научного прогресса. Социокультурное пространство на Западе опирается на ценности либерализма, несет новые культурные формы, ставя свободу и толерантность в ранг высших смысложизненных ориентиров. Общество предоставляет индивиду широкий спектр альтернатив: свободу самому выбрать для себя культурную принадлежность, религию, пол, стиль жизни и т.д. Индивидуальный выбор больше не ограничивается общепринятыми культурными нормами и внешним авторитетом, выбор может быть иррациональным и даже девиантным, что не делает индивида персоной non-grata.

С другой стороны, казавшиеся ранее прочными социокультурные связи и отношения стремительно виртуализируются, становятся все более призрачными и ускользающими. Ценностно-нормативная система, равно как и система культурных констант, определявшая мировоззренческие координаты индивида на протяжении нескольких веков, распадается на хаотическое множество частных интенций, не имеющих единой рациональной основы. Отсутствие стабильности, невозможность найти утраченные «точки опоры» порождает в жизни индивида чувство тревоги, которое заглушается поощряемым «обществом по-

требления» консюмеризмом, «трудной борьбой» – как пишет З. Бауман – «против острой нервирующей неопределенности и надоедающего, изматывающего чувства отсутствия безопасности»¹.

Противоречивая, на первый взгляд, ситуация сопряженности либеральных ценностей с ризомностью, хаосомностью и нестабильностью всех сфер жизни индивида (включая духовную сферу), с пролиферацией смыслов, ценностей, мировоззренческих ориентиров, наблюдаемая в современном социокультурном пространстве, вызывает острую необходимость изучения глубинных причин тех парадигмальных изменений, которые спровоцировали появление столь неоднозначного ценностного, смысложизненного, культурного контента.

На сегодняшний день в социогуманитарном познании нет общепринятой концепции, позволяющей холистически объяснить те сложные процессы социокультурных трансформаций, которые мы наблюдаем сегодня. Термины «модерн» и «постмодерн», широко используемые философами и культурологами для фиксации произошедших изменений, не обладают четкой структурой, не содержат отсылки к конкретным явлениям. В современном философском дискурсе это достаточно расплывчатые, семантически неточные понятия, условно применяемые, по желанию, то к историческим эпохам, то к культурным матрицам, то к художественным стилям или формам мысли.

На наш взгляд, принятая в настоящее время схема линейного развития – от модерна как индустриального социума XIX в. к постмодерну как к обществу «высоких технологий», в соответствии с которой трактуется и эволюция западной культуры, является предельно упрощенной. Актуальная задача философии культуры в настоящее время состоит в формировании понятийного аппарата, способного объяснить произошедшую трансформацию, обозначаемую как переход от модерна к постмодерну, в создании адекватной картины социокультурных изменений, в определении тех факторов, которые являются детерминирующими, ведущими в данном процессе.

Крайне важно преодолеть сложившийся в настоящее время в философии и теории культуры стереотип, что постмодерн – принципиально новое явление, свидетельствующее о полном разрыве с классической европейской традицией, с модерном. Представляется жизненно важным отказаться от данного клише и концептуализировать модерн, рассмотреть модерн и постмодерн системно, диалектически, с различных исследовательских ракурсов.

Реализация данной задачи требует, в том числе, обращения к модерну и постмодерну как к социокультурным парадигмам – сложившимся в социуме конструктам, включающим в себя социокультурные образцы, базовые цели-

---

¹Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. С. 90.

ценности, которые формируют индивида, задают параметры процесса культурной идентификации.

Актуальность работы также вызвана необходимостью выявления основных причин эволюции культуры от модерна к постмодерну. Несмотря на наличие большого количества исследований по данной проблеме, в них представлены противоречащие друг другу интерпретации данных феноменов и их достаточно полярные оценки. Причина во многом коренится в устоявшемся подходе к модерну и постмодерну как внутренне однородным феноменам, в то время как они являются комплементарными, развивающимися, противоречивыми системами идей, взглядов, ценностей, которые определяют процессы социальных взаимодействий, формируя индивидов с противоположно направленными векторами активности, принадлежащих, вместе с тем, к единой по своим основаниям культуре.

Актуальность исследования парадигмального сдвига от модерна к постмодерну трудно переоценить. Одним из важнейших аспектов исследования модерна и постмодерна является осмысление задаваемых ими границ бытия индивида в пространстве культуры, что предполагает сопряжение с той социокультурной матрицей, которая детерминирует параметры культурной идентичности индивида в модерне и существенным образом деформируется в пространстве постмодерна.

На наш взгляд, исследование модерна и постмодерна, характера их корреляции и закономерности перехода от одного к другому должно опираться на определенную концепцию, способную отразить всю сложность и противоречивость данных социокультурных феноменов, сопряжение и взаимодействие в их социокультурном пространстве множества субъектов, к которым относятся не только отдельные индивиды, но и целые социальные группы, сообщества, имеющие разные установки, мотивации, жизненные ориентации, ценностно-нормативные регулятивы и т.д. В связи с этим для современной философии культуры является актуальной задача создания теоретического концепта, который действительно позволит синтезировать массив различных оценок и точек зрения на современность, свести их в единое целое, осветить те закономерности, благодаря которым осуществлялись парадигмальные изменения от модерна к постмодерну.

Несомненно, исследование *modernity* как социокультурного явления представляет собой сложную задачу. Во-первых, несмотря на то что некоторые исследователи уже говорят о наступлении пост-постмодерна, трансмодерна, археомодерна, метамодерна и тому подобных производных, очевиден тот факт, что постмодерн еще не закончился. Наблюдаемые противоречия, связанные с

высокой степенью сложности социокультурного пространства постмодерна, только стимулируют стремление прояснить содержание и наметить контуры и перспективы развития западной культуры, находящейся в настоящий момент в состоянии очевидного кризиса.

Степень научной разработанности темы:

Исследование социокультурного пространства на Западе сквозь призму перехода от модерна к постмодерну является составной частью более широкой проблемы в философии культуры: создание теоретической модели, способной отразить всю сложность процесса развития культуры, противоречивость социокультурных изменений, равно как и основных механизмов трансляции культуры, и выделить их основной тренд – направление движения, вызванное конкретными социокультурными факторами.

Исследование социокультурной составляющей парадигмальных изменений имеет длинную историю. Начиная с эпохи Просвещения, сформировалась четкая исследовательская задача, в рамках которой была осознана важность и значимость «идей» в процессе культурных изменений. Практически все известные мыслители, начиная с Г. Гегеля² и К. Маркса³ и заканчивая современными неомарксистами Т. Адорно⁴, Ф. Джеймисоном⁵, Г. Маркузе⁶ и др., анализировали логику социокультурного движения и, в том или ином ключе, исследовали проблему взаимосвязи «духа и материи» в истории.

Исследуя парадигмальные изменения культуры Запада, мы не можем не обратиться к работам «архитекторов» проекта модерн, таких философов, как К. Гельвеций, Т. Гоббс, П. Гольбах, Д. Дидро, И. Кант, Д. Локк⁷ и др., создавших принципиально новое представление о человеке и обществе, о свободе, о смысле человеческого существования. В трудах этих мыслителей также были заложены представления о свободе, ставшие впоследствии предметом исследования многих ученых, от К. Маркса до Р. Рорти⁸.

---

²Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 2000. – 471 с.

³Маркс К. Экономические рукописи 1857-1861 гг. М.: УРСС, 2015. – 624 с.

⁴Адорно Т. Исследование авторитарной личности. М.: Серебряные нити, 2001. – 416 с.

⁵Jameson F. Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism (Post-Contemporary Interventions). USA: Duke University Press, 1991. – 433 p.

⁶Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.bim-bad.ru/docs/markuze_odnomerny_chelovek.pdf (дата обращения 22.02.2015).

⁷Гельвеций К. Об уме. Сочинения в 2-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1973. – 647 с. Гоббс Т. Левиафан. Сочинения в 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. – 731 с. Гольбах П. Основа всеобщей морали, или катехизис природы. Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. М.: Соцэкгиз, С. 7-82. Дидро Д. Племянник Рамо. Собр. соч.: в 10 т. Т. 4 «Диалоги, повести, стихи». М.: Академия. 1937. С. 85-200. Кант И. Критика практического разума. СПб.: Наука, 2007. – 530 с. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении. Сочинения в 3-х т. Т.1. М.: Мысль, 1985. – 621с. Локк Дж. Мысли о воспитании. Сочинения в 3-х томах. Т. 3. М.: Мысль, 1988. – 670 с.

⁸Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. – 280 с. Рорти Р. Философия и будущее // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 29-34.

Проблема дуализма человеческой природы – существования между эгоизмом как ориентацией на личную выгоду и рациональностью как способностью мыслить надындивидуально, отражена в философских трудах практически всех ключевых фигур европейской философии после XVII в., в том числе И.Канта, И. Фихте, Г. Гегеля, Л. Фейербаха, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше⁹.

Поиск социокультурных оснований парадигмальных изменений апеллирует к культуре и индивидууму, культуре и социуму и предполагает обращение к аксиологической составляющей, что отражено в работах Н.Б. Бакач, А.С. Запесоцкого, М.С. Кагана, Г.Н. Кузьменко, Н.А. Хренова, В.К. Шохина¹⁰ и др.

Особое методологическое значение в свете осмысления содержания аксиосферы культуры модерна и постмодерна имеют труды М.С. Кагана¹¹, который развивал такое направление как социосинергетика, где сфера социокультуры представляется как сложная система, обусловленная многообразием факторов различной природы, что вызывает необходимость комплексного нелинейного подхода к исследуемым явлениям.

Аксиологическое содержание парадигмы и сопряженное с ним изучение парадигмальных трансформаций в культуре является предметом анализа для множества современных исследователей, к числу которых относятся Л.В. Баева, О.А. Великоднев, Г.А. Воронина, Е.И. Дмитриев, В.И. Ионесов, Л.Ф. Кацис, Ю.М. Лотман, Л.Г. Свитич, Ж.В. Чашина, В.П. Чащин¹² и др.

---

⁹Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 2000. – 471 с. Кант И. Критика чистого разума. Мн.: Литература, 1998. – 960 с. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 87 с. Фейербах Л. Сущность религии. Избранные философские произведения. В 2-х тт. Т. 2. М.: Государственное издание политической литературы, 1955. С.421-489. Фихте И. Назначение человека. Сочинения в 2-х тт. Т. 2. СПб.: Мифрил, 1993. С. 65-225. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Мн.: Харвест, 2005. – 848 с.

¹⁰Бакач Н.Б. Культурная парадигма как объект социально-философского анализа: дисс. канд. филос. наук: 09.00.11. Волгоград, 1998. – 136 с. Запесоцкий А.С. Современная культурология как научная парадигма // Вопросы философии. 2010. № 8. С. 76-87. Каган М.С. Философия культуры. СПб.: Петрополис, 1996. – 415 с. Каган М.С. Философская теория ценности. СПб.: Петрополис, 1997. – 205 с. Кузьменко Г.Н. Базовые аксиологические модели в социально-философском знании: дисс. докт. филос. наук: 09.00.11. М., 2010. – 264 с. Хренов Н.А. Культура в эпоху социального хаоса. М.: Едиториал УРСС, 2011. – 448 с. Шохин В. К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М.:РУДН, 2006. – 455с.

¹¹Каган М.С. Философия культуры. СПб.: Петрополис, 1996. – 415 с. Каган М.С. Философская теория ценности. СПб.: Петрополис, 1997. – 205 с.

¹²Баева Л.В. Ценностная парадигма высокотехнологичного общества // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2011. Т. 1. №7-13. С. 51-58. Великоднев О.А. Роль постхристианских европейских ценностей в новой ценностной парадигме // Проблемы гуманитарных наук. ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, Институт истории, права и общественных наук. Липецк, 2016. С. 87-93. Воронина Г.А. Ценностные системы: смена парадигм // Альманах современной науки и образования. 2007. №7-1. С. 30-31. Дмитриев Е.И. От парадигмы социального пространства к парадигме информационно-коммуникационного пространства // Социологический альманах. 2010. № 1. С. 131-138. Ионесов В.И. Культура как организованный миропорядок: символические формы и метафоры трансформации // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 25(354). С. 7-13. Кацис Л.Ф. Смена парадигм и смена парадигмы // М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2012. – 648 с. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992. – 272 с. Свитич Л.Г. Ценностная парадигма как базовый фактор стратегии общества и медиасистемы // Век информации. 2016. № 2. С. 300-306. Чащин В.П. Явится ли постмодернизм парадигмой научной концепции человека и общества? // Новые идеи в философии. 1998. №7. С. 203-206. Чашина

Парадигма как способ метатеоретической рефлексии в социогуманитарном знании освещается в работах таких исследователей, как Д.В. Винник, С.И. Платонова, Ю.В. Попов, Н.С. Розов, М.В. Смагина, Е.А. Тюгашев, В.В. Целищев, А.А. Шевченко¹³ и др.

Культурная доминанта modernity, равно как и проблема социокультурной трансформации, освещается в работах В.Н. Волкова, И.В. Кондакова, Т.Г. Лешкевич, Т.П. Матяш, Е.Е. Несмеянова, А.С. Панарина, Б.М. Парамонова, Н.А. Хренова, Л.А. Штомпель, О.М. Штомпель¹⁴ и др.

К проблеме исследования ситуации социокультурного кризиса современности и путей его преодоления обращаются Ю. Золотарева, В.П. Ермаков, А.Н. Тарасов, М.В. Юданова, С.А. Яворская¹⁵ и др.

К ученым, которые апеллируют в своих трудах к культурному содержанию современного социума, к проблеме соотношения культурных парадигм относятся Е. Добренко, Г.В. Драч, А.А. Зиновьев, С.Г. Кара-Мурза, И.В. Конда-

---

Ж.В. «Симбиоз» ответственности и долга в ценностной парадигме современного общества // *Духовная сфера общества*. 2016. №13. С. 249-254.

¹³Винник Д.В., Попов Ю.В., Розов Н.С., Тюгашев Е.А., Целищев В.В., Шевченко А.А. Новые парадигмы социального знания. Новосибирск: Манускрипт-СИАМ, 2013. 390 с. Платонова С.И. Парадигма как средство метатеоретического анализа в социальном знании // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2014. №2-1(40). С. 135-137. Смагина М.В. Социально-конструктивистская парадигма в социальном знании как альтернатива традиционной методологии // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2007. Т. X. № 2. С. 73-84.

¹⁴Волков В.Н. Постмодерн и его интерпретации // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2013. № 5-6. С. 72-97. Волков В.Н. Постмодерн и его основные характеристики // *Культурное наследие России*. 2014. № 2. С. 3-8. Волков В.Н. Постмодерн: недоверие к метанарративам // *Культурное наследие России*. 2015. № 2. С. 3-11. Волков В.Н. Постмодернистская этика и эстетика: отказ от ценностно-нормативного // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2014. №3. С. 9-34. Волков В.Н. Симулякры как симптомы призрачного существования // *Вестник Марийского государственного университета*. 2013. № 12. С. 54-57. Волков В.Н. Субъект, личность, дух и духовное в эпоху постмодерна // *Культурное наследие России*. 2014. № 4. С. 3-10. Волков В.Н. Туризм в эпоху постмодерна // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2012. № 1. С. 77-86. Кондаков И.В. *Русская культура. Краткий очерк истории и теории*. М.: КДУ, 2008. 357 с. Лешкевич Т.Г. Способствует ли модернизации глобализация? // *Проблемы российской модернизации*. Сер. "Вестник РМИОН". Ростов-на-Дону, 2011. С. 73-82. Матяш Т.П., Несмеянов Е.Е. Проект модернизации – европейский соблазн // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии*. 2011. № 2. С. 57-61. Несмеянов Е.Е., Матяш Т.П. Модерн и современная модернизация // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2010. № 1. С. 47-50. Колосова О.Ю., Несмеянов Е.Е. Социокультурные трансформации в условиях глобализационных процессов // *Фундаментальные исследования*. 2015. №2-14. С. 3201-3204. Панарин А.С. *Искушение глобализмом*. М.: Эксмо-Пресс, 2002. – 416 с. Парамонов Б.М. *След. Философия. История. Современность*. М.: Независимая газета, 2001. – 528 с. Хренов Н.А. *Культура в эпоху социального хаоса*. М.: Едиториал УРСС, 2011. – 448 с. Штомпель Л.А., Штомпель О.М. Социокультурный кризис и возможные пути выхода из него // *Научная мысль Кавказа*. 2014. №3(79). С. 45-53.

Штомпель Л.А. Креативность культуры: время и вневременность // *Международный журнал исследований культуры*. 2014. №4(17). С. 107-113.

¹⁵Золотарева Ю. Кризис культуры и его определение в свете теории социокультурных трансформаций // *Инновационная наука*. 2016. № 9 (21). С. 360-363. Ермаков В.П. Кризис личностной идентичности в контексте кризиса социокультурных институтов // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2011. № 4. С. 23-27.

Тарасов А.Н. К вопросу соотношения понятий «кризис культуры» и «социокультурная трансформация» // *Тренды развития современного общества: управленческие, правовые, экономические и социальные аспекты*. Курск: Юго-западный гос. университет, 2011. С. 234-236. Юданова М.В. Социокультурный кризис современности и его отражение в массовой культуре // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2014. № 1(57). С. 86-92. Яворская С.А. Кризис культуры как переходное состояние в социокультурной динамике: теоретико-методологические аспекты // *Интеграция образования*. 2006. № 4. С. 228-230.

ков, М.Н. Липовецкий, В.С. Любченко, Б.М. Парамонов, А.И. Уткин, М. Эпштейн¹⁶ и др.

Использование данного материала и его всесторонний анализ дает возможность философского осмысления современной культуры и современного общества, позволяя обратиться к modernity как к социокультурному феномену.

В контексте исследования проекта «модерн» как начала формирования индивида современного типа представляет интерес методологический подход, предложенный М. Вебером. В фокусе его интереса лежит процесс перехода от общества традиционного типа к обществу модернизированному, что рассматривается в свете изменения представления о роли рационального в сознании индивида. В рамках диссертационной работы анализ фундаментальных составляющих данного процесса является особо важным, так как позволяет провести методологическую аналогию с изменением аксиосферы в общем и ценностных основ бытия индивида, в частности, в период становления постмодерна.

Также, представляется необходимым обратиться к работам зарубежных мыслителей, в которых особое внимание уделяется культурной доминанте социального развития и, непосредственно, изменению качеств индивида в процессе модернизации в Европе, как это показано в трудах В. Зомбарта, З. Баумана¹⁷ и др.

Критический материал по проблеме дефиниции постмодерна, остающейся на данный момент достаточно спорной, представлен в работах таких отечественных философов, как В.Н. Волков, А.А. Грицанов, А.В. Дьяков, И.П. Ильин, А.Н. Кирюшин, В.А. Кутырев¹⁸ и др.

---

¹⁶Добренко Е. Политэкономия соцреализма. М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 592 с. Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма. М.: Центрполиграф, 1995. – 461 с. Драч Г.В. Социальная креативность культуры // Международный журнал исследований культуры. 2014. №4(17). С. 53-64. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.kara-murza.ru/books/sc_a/sc_a_content.htm (дата обращения 22.12.2015). Кондаков И.В. Русская культура. Краткий очерк истории и теории. М.: КДУ, 2008. – 357 с. Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм (Очерки исторической поэтики): Монография / Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1997. 317 с. Любченко В.С. Человек в обществе Модерна: монография. Новочеркасск: Лик, 2013. – 298 с. Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: Эксмо-Пресс, 2002. – 416 с. Парамонов Б.М. След. Философия. История. Современность. М.: Независимая газета, 2001. – 528 с. Уткин А. И. Подъем и падение Запада. М.: АСТ, 2008. – 761 с. Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М.: ИФРАН, 1997. – 255 с. Эпштейн М.Н. Постмодерн в России. Литература и теория. М.: Издание Р. Элинина, 2000. – 368 с.

¹⁷Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. – 240 с. Зомбарт В. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М.: Наука, 1994. – 443 с.

¹⁸Волков В.Н. Постмодерн и его интерпретации // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2013. № 5-6. С.72-97. Волков В.Н. Постмодерн и его основные характеристики // Культурное наследие России. 2014. № 2. С. 3-8. Волков В.Н. Постмодерн: недоверие к метанарративам // Культурное наследие России. 2015. № 2. С. 3-11. Грицанов А.А., Кацук Н.Л. Жан Бодрийяр. Мн.: Книжный дом, 2008. – 256 с. Дьяков А.В. Феликс Гваттари: Шизоанализ и производство субъективности. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2006. – 246 с. Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия – эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998. – 256 с. Кирюшин А.Н., Асташова А.Н. Идея симулякра в понимании виртуального: от Платона к постмодернизму [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. 2012. № 8. Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2012/08/1593> (дата обращения 13.04.2014). Кутырев В.А. Культура и технология: борьба миров. М.: Прогресс-Традиция. 2001. – 240 с. Кутырев В.А. Как и куда сдвигается гуманитарная парадигма? // Философия и культура. 2009. № 10

Работы В.Н. Волкова концептуализируют постмодерн как социокультурный феномен. Данный исследователь анализирует пространство постмодерна, апеллируя не только к его теоретическим основаниям (симулякр, гиперреальность, ризомность), но обращаясь к проблеме индивида, субъекта познания, сопряжения духа и духовного, к изменениям ценностно-нормативного характера, к трансляции культурных образцов.

Проблема генезиса постмодерна является предметом активных дискуссий среди ученых различных областей. Вопросы, связанные с началом постмодерна на Западе, рассматриваются такими популярными западными философами, как Р. Рорти, G. Geddes, A. Marcos, P.Zima¹⁹ и др.

Феномен постмодерна и его аксиосфера исследуется в работах современных отечественных философов: В.Н. Волков, А.А. Грицанов, Г.В. Драч, А.Г. Дугин, В.А. Кутырев, Н.А. Малишевская, Л.А. Маркова, Л.А. Мирская²⁰ и др. В работах А.Г. Дугина²¹ детально рассматривается эволюция западного общества как процесса смены трех парадигм – пре-модерна, модерна и постмодерна. В работах Л.А. Марковой предметом особого внимания служит категория хаоса. Хаос рассматривается как один из системообразующих концептов, служащих для описания социокультурных процессов, нестабильных и неустойчивых в своих проявлениях.

Для данного диссертационного исследования представляют серьезный интерес работы американского философа-неомарксиста Ф. Джеймисона²². Особое место занимает культурный аспект, сопрягаемый Ф. Джеймисоном с инноватикой в пространстве постмодерна. В результате этим автором выстраивается специфическая взаимосвязь социальных трансформаций с гетерогенной культурной, философской, экономической средой, что дает множество оснований для дальнейшего развития и осмысления предложенных им аргументов в данной работе.

---

(22). С. 20-28. Кутырев В.А. Культура и технология: борьба миров. М.: Прогресс-Традиция. 2001. – 240 с. Кутырев, В.А. Философия трансгуманизма. Нижний Новгород: Нижегородский университет, 2010. – 85 с.

¹⁹Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. – 280 с. Marcos A. Postmodern Aristotle. / Cambridge:Scholars Publishing, 2012. – 170 p. Zima P. Modern/Postmodern: Society, Philosophy, Literature. / Great Britain:Bloomsbury Academic, 2012. – 328 p.

²⁰Грицанов А.А., Кацук Н.Л. Жан Бодрийяр. / Мн.: Книжный дом, 2008. – 256 с. Дугин А.Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М.: Евразийское движение, 2009. – 744 с. Драч Г.В., Малишевская Н.А. Тонкие механизмы постмодернистского дискурса: возвращаясь к Джеймисону // Научная мысль Кавказа. 2015. №3(83). С. 7-15. Маркова Л.А. Философия из хаоса. М.: Канон, 2004. – 384 с. Мирская Л.А. Постмодерн: дискурс избыточной чувственности // Гуманитарий Юга России. 2013. № 2. С. 46-57.

²¹Дугин А.Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М.: Евразийское движение, 2009. – 744 с.

²²Jameson F. Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism (Post-Contemporary Interventions). USA: Duke University Press, 1991. – 433 p.

Исследование социокультурных оснований парадигмальных изменений на Западе предполагает обращение к творчеству М. Фуко²³, работы которого позволяют осмыслить социокультурные трансформации на основе понятия эпистемы. Соотношение модерна и постмодерна рассмотрено знаменитым немецким философом Ю. Хабермасом²⁴, труды которого дают возможность методологического обоснования модерна как проекта и выявления его теоретического наполнения.

Категориальное содержание постмодерна на его теоретическом уровне представлено в ставших «классическими» произведениях Р. Барта, Ж. Бодрийяра, Ж. Делеза и Ф. Гваттари, Ж. Дерриды, Ж. Лиотара²⁵ и др. В данных работах заключен необходимый для анализа постмодерна когнитивный инструментарий, равно как и большинство семантических категорий, которыми оперируют постмодернисты. Понятия ризомности, хаосмоса, деконструкции приобрели общекультурный статус и активно используются при анализе динамики современной культуры.

В качестве примера специфической «реакции» на усиление культурного вакуума, пронизывающего постмодернистское «общество потребления», в диссертационном исследовании анализируются работы таких представителей интегрального традиционализма XX в., как Р. Генон, Ю. Эвола, М. Элиаде²⁶ и др. Культурные и философские основания традиционализма как антииндивидуализма, анти-модернизма рассматриваются М. Сэдджвиком, J. Dunn, P. Furlong, S. Houman, P. King, T. Lutz, H. Oldmedow, S. Wasserstrom, A. Zehadul Karim²⁷ и др.

---

²³Фуко М. Археология знания. СПб.: Университетская книга, 2004. – 416 с. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем, 1999. – 479 с. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. – 408 с.

²⁴Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь Мир, 2008. – 416 с.

²⁵Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. – 616 с. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, Издательство КДУ, 2011. – 392 с. Делёз Ж. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с. Деррида Ж. О грамматологии. М.: «Ad Marginem», 2000. – 512 с. Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.

²⁶Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. СПб.: Университетская книга, 1999. – 356 с. Evola J. Revolt Against the Modern World. / Vermont: Inner Traditions, 1995. – 375 p. Генон Р. Кризис современного мира. М. Эксмо, 2008. – 779 с.

²⁷Сэдджвик М. Наперекор современному миру: Традиционализм и тайная интеллектуальная история XX в. М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 536 с. Dunn J. Traditionalism: the only radicalism: A new mythos for modern heretics. London: Study Press, 2015. – 192 p. Furlong P. Social and Political Thought of Julius Evola. Abingdon: Routledge, 2011. – 192 p. Houman S. From the Philosophia Perennis to American Perennialism. Chicago: Kazi, 2014. – 466 p. King P. The Antimodern Condition: An Argument Against Progress. London: Ashgate Pub Co, 2014. – 128 p. Lutz T. Mircea Eliade's Traditionalism: Appearance and Reality [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.hyperion-journal.net/mircea-eliades-traditionalism.html> (дата обращения 07.09.2015). Oldmeadow H. Traditionalism: Religion in the light of the Perennial Philosophy. New York: Sophia Perennis, 2011. – 252 p. Wasserstrom S. Religion after Religion: Gershom Scholem, Mircea Eliade, and Henry Corbin at Eranos. / UK: Princeton University Press, 1999. – 384 p. Zehadul Karim A. H. M. Traditionalism and Modernity: Issues and Perspectives in Sociology and Social Anthropology Paperback. Singapore: Partridge, 2014. – 240 p.

Разновидностью популярного традиционализма, ориентированного на изменение культурной ситуации постмодерна, на выход из культурного кризиса, может служить деятельность современного французского философа А. Бенуа²⁸ и его движения «Новые правые», возникшего в 1968 г. одновременно с началом постмодерна, являясь очевидным контр-постмодернистским проектом. Современность понимается А. Бенуа как эпоха деформации культуры, противостоять которой возможно посредством возрождения форм социальных общностей по принципу объединения на почве духовной, а не экономической основы. Именно это, по мнению А. Бенуа, способно противостоять вектору развития современного социума в сторону либерализма, последовательно изничтожающего культурную идентичность европейских народов.

Среди отечественных авторов работ, посвященных роли традиционализма в современном социокультурном пространстве, можно особо выделить А.А. Васильева, А.В. Волошинова, А.И. Макарова²⁹.

В контексте диссертационной работы заслуживают внимания идеи, изложенные в трудах современного итальянского философа, семиолога и писателя У. Эко³⁰, специализирующегося на методологической проблематике пространства постмодерна. Он применяет авторскую терминологию (такие понятия, как «рецептивность», «открытое произведение» и др.), предельно точно фиксирующую парадигмальные сдвиги культурного и философского характера. Характер используемых У. Эко смысловых концептов отражает необходимость осмысления самостоятельного статуса серийных объектов как особой автономной когнитивной формы, позволяющей дать предельно точную оценку современному социокультурному пространству как гиперреальности.

Работы, посвященные постмодерну, носят преимущественно теоретический характер. Однако для исследования такого сложного и комплексного явления как современность необходим системный подход, охватывающий как культурные и историко-философские детерминанты, так и социальные закономерности развития, а также включающий в себя всесторонний анализ явления на всех его уровнях.

Прежде всего речь идет о диалектическом подходе, применение которого к явлениям и процессам различной природы имеет долгую и насыщенную ис-

---

²⁸Бенуа А. По ту сторону прав человека. М.: Институт Общегуманитарных исследований. 2015. – 144 с. Бенуа А. Религия прав человека // Мужество ради идентичности. Германия, Структум: Туле-библиотек, 1988. – 398 с.

²⁹Васильев А.А. Неоконсервативная политико-правовая идеология А. де Бенуа [Электронный ресурс] // М.: «Genesis: исторические исследования». 2015. № 2. Режим доступа: http://e-notabene.ru/hr/article_14047.html (дата обращения 03.03.2015). Волошинов А.В. Мирча Элиаде как «легкий» традиционалист // Традиция и традиционализм. Альманах. Донецк: Донбасс, 2013. С. 24-25. Макаров А.И. Традиция против истории в философии современного европейского традиционализма // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2001. № 6. С. 275-283.

³⁰Эко У. Открытое произведение. М.: Академический проект, 2004. – 122 с.

торию. Диалектический метод с различных ракурсов разрабатывался внушительной плеядой выдающихся зарубежных и отечественных ученых, философов и культурологов, от Г.В. Ф.Гегеля до Э.В. Ильенкова³¹. Однако в современном научном дискурсе диалектический подход к модерну и постмодерну как взаимосвязанным социокультурным феноменам не представлен, что и вызывает, на наш взгляд, хаотичную пролиферацию существующих концепций, механически противопоставляющих модерн и постмодерн, линейно оценивающих их культуру, интерпретирующих модерн и постмодерн дискретно, без учета их внутренних особенностей.

Также, несмотря на имеющиеся в достаточном количестве библиографические источники, все еще не решена ключевая проблема выявления фундаментального основания, позволяющего рассмотреть парадигмальные изменения модерна и постмодерна как единый процесс. Можно диагностировать нехватку работ, сфокусированных на данной задаче, что вызывает необходимость заполнить эту исследовательскую нишу.

Цели и задачи исследования. Целью исследования является создание теоретического концепта, который позволяет объяснить социокультурную трансформацию как переход от модерна к постмодерну.

Реализация данной цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Определить основные методологические принципы исследования модерна и постмодерна как социокультурных феноменов, показать необходимость применения диалектического подхода к их анализу.

2. Провести анализ сложившихся в современном философском дискурсе представлений о модерне и постмодерне; рассмотреть модерн как сложное социокультурное образование, существующее на уровне всеобщего, особенного и единичного, раскрыть эвристический потенциал данного подхода.

3. Исследовать концептуальное основание проекта «модерн», выделить его основные базовые идеи, определить его внутреннее противоречие, обусловившее характер социокультурных изменений в модерне.

4. Рассмотреть культуру модерна как единство многообразного, как противоречивое единство различных ценностно-нормативных систем, связанных с формированием содержательно различных культурных уровней внутри модерна.

5. Выделить социокультурные предпосылки перехода от модерна к постмодерну.

---

³¹Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. В 3-х т. Т.1, 2. М.:Мысль,1975. – 456 с. Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М.: Полиздат, 1984. – 272 с.

6. Исследовать существующую в философии культуры проблему начала постмодерна как социокультурного явления, обосновать критерии, в соответствии с которыми можно говорить об оформлении его аксиосферы.

7. Обосновать причины системной нестабильности социокультурного пространства постмодерна, выявить соответствующие изменения на уровне культуры и социума, культуры и индивида.

8. Рассмотреть эволюцию культуры от модерна к постмодерну как следствие разрешения внутреннего противоречия модерна, формирования «общества потребления» или симулятивной гиперреальности.

9. Проанализировать неомарксистскую концепцию культурогенеза в постмодерне как результат развития капитализма на мультинациональной основе.

10. Рассмотреть постмодерн как философскую парадигму, проанализировать понятийный инструментарий парадигмы постмодерна: хаосомность, нонсенс, абсурд, план имманенции, шизоанализ и др.

11. Исследовать содержательное наполнение тренда освобождения в постмодерне, отказ от логоцентризма и переход к аксиологической деиерархизации.

12. Проанализировать причины распространения ризомного типа мышления и вызванного им отказа от понятий структуры и смысла.

13. Показать влияние идеи освобождения на формирование посткультуры как деформации эстетических канонов, отторжения понятий субъекта (автора произведения) и объекта художественной практики.

14. Рассмотреть традиционализм как альтернативу парадигмам модерна и постмодерна, позволяющую преодолеть дискретность аксиосферы культуры в постмодерне.

15. Оценить перспективы развития движений традиционалистской направленности в социокультурном пространстве постмодерна.

16. Рассмотреть апогей «освобождения» индивида в постмодерне как основу для возможного парадигмального перехода к пост-постмодерну.

Объектом исследования являются модерн и постмодерн как этапы развития европейской культуры.

Предметом исследования выступают социокультурные основания перехода от модерна к постмодерну.

Гипотеза исследования: в настоящее время одним из важнейших объектов исследования в философии культуры является феномен постмодерна. Существуют различные представления о том, что постмодерн собой представляет

и как он связан с модерном, различные оценки данных социокультурных феноменов.

С нашей точки зрения, целостное, адекватное понимание модерна и постмодерна, а также взаимосвязи между ними, закономерности перехода от модерна к постмодерну, может сложиться в том случае, если мы будем учитывать их сложный диалектический характер, взаимодействие и взаимовлияние внутри каждого из них идей и социокультурной реальности, приводящее, с одной стороны, к реформатированию системы идей под влиянием социальных практик, а с другой – к перестройке социокультурной реальности под влиянием идей.

Модерн и постмодерн необходимо рассмотреть как социокультурные феномены, существующие на уровне всеобщего, особенного и единичного, т.е. на уровне идей – как определенная парадигма, проект, совокупность идей, и на уровне социокультурной реальности – как реализация данных идей в деятельность социальных слоев и групп с различными векторами социокультурной активности.

Специфика общих идей такова, что в них может быть вложен различный смысл, который задает дивергентные направления деятельности. В результате социокультурные изменения совершаются под влиянием противоположно направленных «сил», что приводит к результатам, не предусмотренным первоначальным «проектом».

Трансформация культуры на Западе, на наш взгляд, определялась взаимодействием этих «сил», которое привело к закономерному результату – переходу модерна в свою противоположность, в постмодерн.

Методологические и теоретические основы исследования. Успешное решение задач данного исследования определяется наличием соответствующего методологического инструментария, позволяющего адекватно отразить процесс парадигмального перехода от модерна к постмодерну.

Философия культуры открывает обширное поле возможностей использования разработанных в ее рамках методологических подходов, позволяющих подойти к анализу модерна и постмодерна с различных ракурсов и позиций. В гуманитарных дисциплинах сегодня, преимущественно, применяется полипарадигмальный подход, предполагающий использование различных методов исследования социокультурной реальности. В данном диссертационном исследовании мы используем системный подход, диалектический подход, синергетический подход, социокультурный подход, а также методологические принципы современной социальной эпистемологии.

На наш взгляд, синергетический подход обладает высоким потенциалом, что обуславливает необходимость использования данного подхода к сложным

системам, в том числе, к культуре и ее аксиосфере. Особенности синергетической методологии связаны с представлением об универсуме как системе взаимодействий. Социокультурные изменения, с данной точки зрения, предстают как результат смены хаоса и порядка, их взаимообращения, формирующего новые формы социального и духовного бытия. Социосинергетика предоставляет в данном контексте возможность расширения методологического инструментария исследования культуры, что, однако, не предполагает, как может показаться, редукцию социокультурных трансформаций к трансформациям, имеющим иную природу. Наоборот, по точному замечанию М.С. Кагана, «на этом синергетическом уровне диалектика «закономерность – случайность» удваивается диалектикой «необходимость – свобода», и это вносит существенные коррективы в синергетический анализ социокультурных процессов»³².

В диссертационной работе использовался социокультурный подход. Применение данного подхода позволяет объяснить парадигмальные изменения изменениями на уровне социокультурной реальности, трансформирующейся под влиянием целей, мотивов и социальных действий индивидов.

Основой исследования является применение диалектического подхода, который позволяет рассмотреть модерн и постмодерн как содержащие внутри себя диалектическое единство противоположных интенций, находящихся между собой в постоянной «борьбе», взаимодействующих и взаимопроникающих. Модерн и постмодерн рассматриваются нами как внутренне противоречивые социокультурные феномены, демонстрирующие, вместе с тем, определенное единство контекстуального содержания.

Данный методологический концепт позволяет рассмотреть процесс парадигмальных изменений, т.е. переход от модерна к постмодерну как результат последовательной реализации интеллектуального проекта, созданного мыслителями XVII-XVIII вв., а также выявить концептуальный тренд, детерминирующий этот переход.

В процессе исследования мы опирались также на следующие концепции и идеи:

– идеи М. Фуко³³, в фокусе которых находится выявление различных дискурсивных практик, отражающих глубокие изменения в мышлении индивидов, в их восприятии ценностных регулятивов, социальных норм, морально-нравственных нормативов. Культура в данном случае рассматривается с точки зрения взаимодействия, взаимодополнения друг другом ее элементов, среди которых нет случайных, периферийных по своему значению составляющих.

---

³²Каган М.С. Синергетика и культурология [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/art/sinergetika-i-kulturologiya/> (дата обращения 12.10.2016).

³³Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. – 408 с.

Глубокий анализ механизмов трансляции культуры позволяет обнаружить логику эволюции социокультурных парадигм, содержащих отсылку к тому или иному типу дискурса, к эпистеме как к определенному культурному коду;

– идеи Ж. Деррида³⁴, согласно которым фактор рационального рассматривается как фундаментальная основа европейской логоцентричной культуры. В процессе парадигмальных изменений рациональное подвергается деконструкции: происходит децентрализация, деиерархизация, замещение *ratio* как регулятора культуры побочными компонентами, ранее искусственно вытесняемыми за пределы системы мировоззренческих координат. Кульминацией данного процесса служит ситуация постмодерна;

– концепция коммуникативного действия Ю. Хабермаса³⁵, особо важная для данного исследования тем, что позволяет создать жизненную модель современного индивида на Западе, отражающую особенности современной культуры. Согласно данной модели, субъект, свободный от бинарных оппозиций центра и периферии, порядка и хаоса, свободно перемещается в ментальном пространстве, продуцируя полифонию мнений, теорий, интегральных критериев оценки действительности;

– концепция социального действия М. Вебера³⁶, предложившего рассмотреть генезис современного общества с точки зрения изменения базовых мотиваций индивидов. По аналогии, мы выделяем в парадигмах модерна и постмодерна прежде всего их базовые идеи, по-разному интерпретируемые представителями различных социальных групп, действующих в едином культурном пространстве.

Применение вышеперечисленных методов и подходов позволяет решить поставленные исследовательские задачи, выявить принципы и противоречия *modernity*, спровоцировавшие переход в постмодерн, и философски осмыслить вектор дальнейшего развития современного социокультурного пространства.

Научная новизна исследования отражена в следующих тезисах:

1. Разработаны методологические принципы исследования модерна и постмодерна как диалектически взаимосвязанных феноменов, включающих в себя парадигмальный и социокультурный уровни. Постмодерн представлен как отрицание модерна, продолжающее при этом логику модерна – его базовые идеи, специфическим образом реализованные в социокультурной реальности.

2. Разработан авторский концепт, согласно которому модерн и постмодерн представляют собой диалектическое единство всеобщего, особенного и еди-

---

³⁴Деррида Ж. О грамматологии. М.: «Ad Marginem», 2000. – 512 с. Деррида Ж. Письмо и различие. СПб.: Академический проект, 2000. – 430 с.

³⁵Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь Мир, 2008. – 416 с.

³⁶Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

ничного, имеют общую основу, но, вместе с тем, кардинально отличны друг от друга. Доказано, что взаимодействие внутри модерна и постмодерна противоположно направленных «сил» обусловило их динамику, инициированную идеей «освобождения» индивида.

3. Определено внутреннее противоречие проекта модерн – уравнивание разумности и эгоизма как естественных проявлений человеческой природы, которое привело, впоследствии, к переформатированию ценностно-нормативной системы социокультурного пространства на Западе и определило его эволюцию в направлении постмодерна.

4. Доказано, что трансформация модерна в постмодерн инициирована базовой для модерна идеей «освобождения» индивида, которая в новых социальных условиях означает освобождение от культуры, от аксиосферы, ее норм и правил, воспринимаемых как ограничения. Генезис постмодерна представлен как снятие дихотомии социального и культурного, связанное с переходом капитализма на новый транснациональный уровень и закреплением ценностей «общества потребления» в качестве всеобщей нормы.

5. Исследована концептуализация тренда «освобождения» как фактора, являющегося базовым для формирования постмодерна как философской парадигмы. На парадигмальном уровне постмодерна освобождение представлено как отказ от логоцентризма, аксиологическая деиерархизация, замещение структурно-ориентированного мышления логикой ризомы.

6. Обоснована идея «освобождения» от понятий субъекта и объекта в художественной практике позднего модерна и постмодерна, что стало основанием кризиса индивидуальной идентичности, а также причиной разрыва с классической культурной традицией и коллапса эстетических канонов.

7. Представлена альтернативная постмодерну модель социокультуры – традиционализм, которая позволяет восстановить диффузию его аксиосферы. Оценен потенциал общественных движений традиционалистской направленности в социокультурном пространстве современности, выделены возможные перспективы их развития на фоне нарастания западной политики мультикультурализма.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Модерн и постмодерн рассматриваются нами как социокультурные феномены, что предполагает обращение не только к их социосфере, но и к парадигмальному контенту. Модерн и постмодерн как парадигмы представляют собой теоретические конструкты, объясняющие устройство мира и природу человека, включающие культуру и ее аксиосферу, систему целей и смысложизненных ориентиров, трансформирующихся под влиянием социальной среды, и, одновременно, детерминирующих процесс культурной идентификации индивида.

дов. Сложный характер социокультурных трансформаций можно адекватно представить, используя диалектический подход, который позволяет осуществить конкретно-исторический анализ социокультуры. В этом случае модерн и постмодерн предстают как внутренне противоречивые социокультурные явления, включающие в себя не только парадигмальный уровень, т.е. уровень идей, но и реализацию данных идей индивидами и социальными группами с различными интересами и векторами жизненной активности, принадлежащими, вместе с тем, единому культурному полю. Исследование показывает, что внутренняя противоречивость модерна определила его динамику как переход в постмодерн. Соответственно, постмодерн рассматривается нами одновременно и как закономерная реализация тенденций модерна, и как его противоположность.

2. Мы исходим из того, что модерн – это социокультурный феномен, существующий на уровне всеобщего, особенного и единичного. На уровне всеобщего он представлен как совокупность идей, содержащих интенцию освобождения общества и индивида от различного рода ограничений, накладываемых на него обществом традиционного типа и соответствующей моделью культуры, важнейшими из которых были идея свободы, освобождения индивида от различного рода ограничений, и идея разума, разумного переустройства жизни. На уровне особенного и единичного модерн выступает как те же идеи свободы, равенства и справедливости, разумного переустройства жизни, преломленные через деятельность социальных групп и индивидов, искажаемые и изменяемые в зависимости от уровня культуры их носителей. Это, во-первых, креативный социальный слой создателей новых идей, «люди мысли», и, во-вторых, представители «третьего сословия» (предприниматели, торговцы, чиновники, ремесленники и т.д.), «люди дела». Данные слои различно интерпретировали и выражали идеи свободы и разума в своей деятельности. Если первые исходили из идеи всеобщего блага, то вторые отдавали приоритет индивидуальной выгоде. Такой методологический концепт позволяет преодолеть сложившиеся упрощенные представления о модерне и рассмотреть его как «единство противоположностей», противоречивое сочетание в социокультурном пространстве социальных слоев, групп, индивидов с противоположно направленными векторами жизненной активности. Наличие глубинного внутреннего противоречия в аксиосфере современного общества позволяет объяснить нелинейный характер развития его культуры, переход модерна в свою «противоположность», обозначаемую как постмодерн. Постмодернистские идеи, с одной стороны, находятся в русле модерна, поскольку продолжают тренд освобождения индивида, но, с другой стороны, это освобождение приводит к отказу от базовых принципов модерна, его фундаментальных целей и ценностей.

3. Проект «модерн», созданный в работах философов Нового времени (Т. Гоббс, Д. Локк и др.) содержал в себе концепцию индивида как существа, успешно совмещающего в своей «природе» разумность и эгоизм. На «высшем» уровне культуры модернизирующегося общества создавалось представление о новом типе общественного устройства на основе идей разума, свободы и справедливости. Данные идеи определили тренд «освобождения» индивида от ограничений как постепенный переход к новому типу общества и культуры, свободному от предрассудков, бесправия, необразованности. Следует учитывать, что модернизацию осуществляли также представители иного культурного слоя, те, кто понимал «освобождение» как индульгенцию на личную выгоду, эгоизм, индивидуализм. Под влиянием рыночной среды удовлетворение эгоистических желаний становится важнейшим приоритетом, а разум приобретает статус средства их удовлетворения, эволюционируя в инструментальную рациональность. Провозгласив главной целью освобождение индивида, проект модерна неизбежно приводил к освобождению индивидуализма и эгоизма в социокультурном пространстве, а все попытки его сдерживать с помощью разума оказались тщетными. Итогом данного процесса явился переход системы в новое качество – реализация потенциалов модерна в ситуации постмодерна.

4. В западных странах общество модерна возникло тогда, когда на основе принципов либерализма были переформатированы все сферы общества традиционного типа, когда полностью завершился процесс модернизации. С этой точки зрения, модерн – это урбанизированное, рыночное, демократическое общество, которое появляется в Западной Европе лишь в начале XX в. после Первой мировой войны. Переход модерна в постмодерн на уровне социокультурной реальности соотносится с переходом капитализма на транснациональный уровень. Это вызвало изменения в культуре и ее аксиосфере, в том числе и основанные на характерной для постмодерна экспансии маргинального в модерне принципа потребления в духовную сферу. С этой точки зрения, постмодерн как социокультурная реальность представляет собой модерн, достигший желаемого «освобождения» как ничем не ограниченного расширения зоны индивидуального выбора.

5. Постмодерн как философская парадигма ориентирован на отказ от характерного для модерна логоцентричного мышления, опирающегося на дихотомию высшего и низшего. Возникает феномен ризомного мышления, персонифицирующий разрыв с понятием структуры, благодаря чему объект исследования априори полагается семантически децентрированным и неопределенным. Постмодернистами полагается новый тип «хаосомных» объектов, для которых характерна аксиологическая релятивность, потенциальная неопределенность,

что делает невозможным оценку явления в бинарных категориях «хаос – порядок», «смысл – бессмыслица». Принципиальная поверхностность, антипонятийность ризомного мышления заставляет освободиться от понятия смысла явления, заменяемого нонсенсом – «смыслом» нового формата, меняющимся в зависимости от внешних условий среды, вызванных совокупностью случайных факторов. Это является кульминацией начатого в модерне процесса «освобождения», обернувшегося в постмодерне освобождением от смыслового каркаса самого модерна. Концептуализацией данного освобождения становится популяризируемый постмодернистами образ шизофреника, балансирующего на грани нормального и абсурдного, отождествляющего девиантное и общепринятое, смысл и бессмыслицу.

6. Исчезновение фигуры субъекта в пространстве культуры персонифицирует освобождение от «классической» модели субъект-объектных отношений. Фигура субъекта расщепляется на множество функциональных модусов, ситуативно имитирующих те или иные функции субъекта. Субъект утрачивает рациональность как точку опоры, перманентно балансируя между хаосом и порядком, между смыслом и абсурдом, между структурой и ризомой, что отчетливо выражено уже в позднем модерне в художественных практиках авангардистов. Исчезновение субъекта синхронично деконструкции понятия объекта. Место объекта заменяют отношения между объектами и их интерпретация. Процесс освобождения от субъекта и объекта в постмодерне вызвал усиление кризиса индивидуальной идентичности и соответствующего кризиса системы эстетических канонов. Авторская идентичность, артикулируемая в модерне в свете объективных взаимосвязей с бытием, сменяется в постмодерне непрочной, изменчивой без-личностью.

7. Доктрина традиционализма рассматривается нами как отрицание модерна и его логики «освобождения» индивида. Реконструкция культуры, постепенно утратившей, начиная с эпохи модерна, единство и целостность, предполагает реконструкцию системы мировоззренческих координат современного индивида, полностью утратившего способность оценивать явление, исходя из его объективного морально-нравственного содержания. Так называемый практический традиционализм направлен на отказ от социокультуры постмодерна, построенной на рыночной основе, на культивации идеи потребления, что деидентифицирует личность, лишая бытие индивида уникальности. Кризис индивидуальной идентичности связывается с релятивизацией культурных норм, более не выполняющих регулирующую функцию в процессе личностного самоопределения. Единственной универсальной нормой становится толерантность как право каждого индивида отстаивать свою собственную, выгодную для него

истину, свободную от объективности и общезначимости. Популярность традиционализма растет в связи с неудачами европейской политики мультикультурализма, которая все более неоднозначно оценивается в среде самих европейцев. Это открывает теоретические перспективы реформации социокультуры постмодерна как «возвращения» обратно, к системе социокультурных ориентиров традиционного типа.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Теоретическая значимость исследования заключается прежде всего в разработке концепта исследования парадигмальных изменений на Западе в процессе перехода от модерна к постмодерну и выявлении социокультурных оснований данного перехода. Проведенное исследование также позволяет создать представление о модерне и постмодерне как внутренне противоречивых социокультурных явлениях, существующих на уровне всеобщего, особенного и единичного.

Философская концептуализация тренда «освобождения», специфически преобразованного условиями рыночной среды, позволяет объяснить направленность культурных изменений на Западе, выделить их разные уровни, создав, таким образом, полифоническое, целостное представление о сфере социокультуры. Это дает возможность преодолеть упрощенный линейный подход в исследовании и провести комплексный анализ социокультурного пространства современности с учетом бинарных по своему содержанию понятий, вызвавших феномен *modernity*, в котором парадоксально сосуществуют и даже семантически уравниваются высокое и низкое, добро и зло, хаос и порядок, смысл и нонсенс, истина и абсурд.

Анализ социокультурных оснований парадигмальных изменений основывался на работах как известных, ставших «классическими», так и малоизученных западных авторов, идеи которых представляют интерес для дальнейших исследований на стыке философской антропологии, философии и теории культуры, аксиологии, социальной философии и пр. Результаты проведенной работы могут быть использованы в теоретических исследованиях современного социума, в современном гуманитарном образовании, при подготовке спецкурсов по философии культуры, философской антропологии, теории коммуникации, философским проблемам экономики, культурологии, также в учебно-педагогической практике.

Апробация работы: основные идеи работы были апробированы на научных конференциях:

– в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Ростов-на-Дону) в 2011-2015 гг.;

– в рамках работы III Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы общественных наук в современных условиях развития страны» (г. Санкт-Петербург) в 2016 г.;

– на V-й международной научно-практической конференции «Достижения и проблемы современной науки» (г. Санкт-Петербург) в 2016 г.;

– на III-й международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы и перспективы развития общественных наук» (г. Омск) в 2016 г.;

– на научно-теоретических семинарах кафедры «Философия и право» ЮРГТУ (НПИ) им. М.И.Платова, на международной научно-теоретической конференции «Лосевские чтения» (г. Новочеркасск) в 2014-2016 гг.

Всего по теме диссертации опубликовано 31 работа, из них 2 монографии, 21 статья в изданиях, рецензируемых ВАК РФ.

Диссертационное исследование состоит из введения, четырех глав, 16 параграфов, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность выбранной темы, показана степень разработанности проблемы, выделены цели и задачи исследования, сформулированы объект, предмет и гипотеза исследования, научная новизна работы, выдвинуты основные положения, представляемые на защиту диссертации.

В главе 1 «Модерн как проект и социокультурная реальность» осуществляется системный анализ основных понятий, составляющих методологический каркас исследования. Комплексно рассматривается понятие модерна. Исследуется специфика оценки модерна в контексте культурно-философской рефлексии. Осмысливается динамика социокультурного пространства модерна и выделяется ее концептуальный тренд.

В параграфе 1.1 «Методологические основания исследования модерна и постмодерна» концептуализируются понятия модерна и постмодерна. Выделяются методологические принципы и базовый концепт исследования.

Исследование modernity представляет собой сложную задачу, включающую в себя оценку множества содержательно противоречивых явлений и процессов. Понятия модерна и постмодерна дискурсивны: на данный момент не сложилось единой линии, позволяющей дать однозначную оценку тому, что есть модерн и постмодерн.

Используя диалектический подход, в данном исследовании мы исходим из того, что модерн – это социокультурный феномен, существующий на уровне всеобщего, особенного и единичного. На уровне всеобщего он представлен как парадигма, совокупность идей. Данные идеи основывались на принципах раци-

онального переустройства культуры, общества и человека и распространялись среди интеллигенции, на «высшем» уровне культуры. Термин «парадигма» в данном случае употребляется «для идентификации конкретных типов культур, которые рассматриваются как образцы общественно-исторической деятельности»³⁷.

На уровне особенного модерн существует как идеи, измененные и переработанные представителями различных социальных групп и слоев, которые по-разному интерпретировали и выражали в социальной практике идеи свободы, равенства и справедливости. Они имели отличное от «креативного» слоя представление о том, каким должна быть новая культура и создаваемое на ее основе новое общество.

На уровне единичного модерн предстает как идеи, реифицированные в деятельности индивидов, отражающие определенное состояние сознания.

На уровне всеобщего модерн конституируется двумя основными принципами или идеями: идеей свободы, освобождения индивида от ограничений, накладываемых на него моделью культуры и общества традиционного типа, и идеей разума, рационального переустройства мира, общества и человека. Именно это противоречивое сочетание в модерне двух противоположно направленных интенций – разума и свободы – определило динамику *modernity* и ее закономерный переход в новое состояние – постмодерн.

Постмодерн в многочисленной исследовательской литературе также рассматривается предельно широко и разнопланово: как понятие, фиксирующее изменения на различных уровнях социума; как философская парадигма; как историческая эпоха, как новый тип культуры; как понятие, служащее для обозначения трансформаций в области эстетики и современного искусства; как выражение неклассического типа мышления.

Постмодерн, на наш взгляд, как и модерн – это сложный социокультурный феномен. На парадигмальном уровне постмодерн – это совокупность идей, которые, с одной стороны, находятся в русле модерна, поскольку продолжают интенцию освобождения индивида, но, с другой стороны, освобождают его от концептуальных принципов модерна, от его аксиосферы, от таких ценностей, как истина, разум, добро, справедливость и т.д. С точки зрения данного подхода, постмодерн – это одновременно и завершение модерна, и его противоположность.

Модерн и постмодерн как социокультурные феномены прочно взаимосвязаны. Представляется важным отказаться от распространенной точки зре-

---

³⁷Винник Д.В., Попов Ю.В., Розов Н.С., Тюгашев Е.А., Целищев В.В., Шевченко А.А. Новые парадигмы социального знания. Новосибирск: Манускрипт-СИАМ, 2013. С.194.

ния, согласно которой постмодерн означает полный разрыв с модерном, – не только исторический, но и культурный. Предложенный в данной работе концепт, на наш взгляд, позволяет создать адекватное представление о модерне и постмодерне как разных стадиях единого процесса социокультурной динамики современности, понять их глубинное внутреннее единство и различия.

В параграфе 1.2 «Модерн в современном философском дискурсе: противоречивость оценок и интерпретаций» исследуются широко известные концепции социокультурного развития, равно как и труды философов, обращавшихся к проблеме социокультурного содержания модерна.

На основании проведенного в параграфе анализа можно сделать вывод, что подавляющее большинство философов культуры говорят о деградации культурных моделей в качестве основополагающей тенденции развития современного общества, тогда как само общество модерна оценивается исходя из объективных показателей индустриального и социального развития.

Противоречие между положительной оценкой социума модерна и негативной оценкой его культуры вызвали определенный дуализм интерпретации модерна. С одной стороны, речь идет о техническом и научном прогрессе, демократизации, либерализации аксиосферы, с другой стороны, к характерным чертам современного индивида в пространстве культуры на Западе относят гедонизм, индивидуализм, эгоизм, ценностный и моральный релятивизм и т.д. Поэтому, на наш взгляд, важнейшей задачей философии культуры становится создание концептуальной модели, которая могла бы полностью объяснить эту двойственность.

Мы будем исходить из того, что в XVII в. коллективным трудом западных философов создавалось то, что можно назвать интеллектуальным проектом нового либерального общества и его культуры – модерна. Ведущими идеями данного проекта были идея освобождения индивида от различных форм зависимости и идея разума, разумного переустройства жизни. В процессе его реального воплощения, который продолжался около трех столетий, западноевропейское общество изменялось (модернизировалось), все дальше отходя от традиционного жизненного уклада.

На высшем уровне культуры модернизирующегося общества был представлен креативный слой интеллектуалов, тех, кто создавал проект модерна, представление о новом типе общественного устройства на основе принципов разума, свободы и справедливости, – мыслители эпохи Просвещения от Т. Гоббса и Д. Локка до И. Канта и Гегеля, а также те, кто принял их идеи и реально трудился над воплощением идеалов Просвещения в жизнь. Следует, однако, учитывать, что модернизацию осуществляли также представители другого

культурного слоя, те, кто отбросил ограничения, существовавшие в традиционном обществе, и стал руководствоваться принципом личной выгоды. Это была теневая сторона модерна, о которой сейчас предпочитают не вспоминать те, кто отстаивает культурный и цивилизационный приоритет Запада.

Важно учесть, что шедшие «сверху» и «снизу» воздействия несли в модернизирующееся общество различные и даже диаметрально противоположные жизненные ориентиры и жизненные стратегии: от самопожертвования и служения общему благу до крайних форм индивидуализма и эгоизма.

Эти два вектора детерминировали социокультурные изменения различной направленности, представляя собой две взаимосвязанные и взаимодействующие в соответствии с законом единства и борьбы противоположностей стороны процесса модернизации, который, в конечном счете, привел к победе одной из сторон и переходу системы в новое качество, обозначаемое как постмодерн.

На наш взгляд, модерн на уровне действующих индивидов может быть представлен как диалектическое взаимодействие двух, активно проявивших себя в процессе модернизации «сил»: утверждаемой представителями образованного слоя разумности как способности подняться до осознания целого, включающего в себя индивидуальное бытие, направлять поведение индивида на служение общему благу, и признанного естественным эгоизма как стремления к собственной выгоде с использованием любых средств, в том числе противоречащих интересам целого.

Трансформация социокультурной системы современного общества, согласно нашей концепции, определялась взаимодействием этих «сил». В настоящее время, в ситуации постмодерна, мы наблюдаем завершение процесса, который можно определить как победу принципа личной выгоды, эгоизма, индивидуализма, что привело к переполюсации ценностей, к состоянию, в котором прежние «верх» и «низ» культуры, ее «плюс» и «минус» меняются местами.

В параграфе 1.3 «Проект модерна: тренд освобождения и его основное противоречие» исследуются основные принципы и противоречия проекта «модерн», созданного его идеологами – европейскими философами XVII-XVIII вв.

В параграфе анализируются взгляды и идеи таких философов, как Дж. Локк, Т. Гоббс, Д. Дидро, И. Кант, Л. Фейербах, Ф. Ницше и др., которые создавали новое, отличное от христианского, представление о человеке, совмещающем в себе качества, ранее несовместимые – разумность и эгоизм.

Характерным примером является знаменитый диалог Д. Дидро «Племянник Рамо»³⁸, на основании которого показано, как в проекте модерна происхо-

---

³⁸Дидро Д. Племянник Рамо. Собр. соч.: в 10 т.Т.4 «Диалоги, повести, стихи». М.: Академия. 1937. С. 85-200.

дит переоценка прежних, существовавших в традиционном обществе, ценностей, и реформатирование аксиосферы. Усилиями философов-просветителей, признавших естественность низменных страстей, «высокое» (служение общему благу) и «низкое» (эгоизм) сначала уравниваются как свойства человеческой природы, а затем то, что считалось ранее аморальным, постепенно становится общепризнанной нормой.

Проект модерна объединил несоединимое: «философа» как носителя разума и нравственности и «племянника Рамо» как носителя порочных желаний и безнравственности. Причем объединил их не как антагонистов, а как, по сути, равных, одинаковых по своей природе индивидов. Ценностная иерархия сменяется ценностной «демократией», в которой ценности релятивизируются и переходят в разряд индивидуальных предпочтений: кто-то считает определенные поступки правильными, кто-то неправильными и каждый имеет право поступать по своему усмотрению. Именно право, а не нравственность, становится основным регулятором поведения.

Проведенное исследование представления о человеке, созданного философией Нового времени и ставшего основой проекта модерна, позволяет сделать вывод о том, что это представление, как и сам проект, были внутренне противоречивыми. Оптимизм Просвещения, возлагавшего надежды на разум как главное средство преодоления эгоистических устремлений, не оправдался. В проекте модерна его создатели с самого начала заложили «вирус», который стал распространяться по всему общественному организму. Этот вирус содержала в себе идея освобождения индивида от прежних ограничений, которая, в конечном счете, обернулась освобождением от христианской системы ценностей, от нравственности и самоограничения, и признанием пороков (эгоизма, честолюбия, алчности, зависти и т.д.) естественным проявлением человеческой природы.

Фактически, в проекте модерна основной целью становится эмансипация индивида от прежних форм зависимостей. Провозгласив главной целью освобождение, модерн неизбежно приводил к росту индивидуализма и эгоизма в обществе, а все попытки его сдерживать оказывались тщетными. В этом и состоял главный парадокс проекта, который не учли его «архитекторы». Европейская культура так и не смогла дать обществу и человеку те ориентиры, которые позволили бы обуздать эгоизм и избежать тех кризисов, которые наполняют современность. В результате ей пришлось отказаться от идеи приоритета разума, что вызвало кардинальные изменения как в структуре западного социума, так и в сознании индивида, его культуре, и детерминировало появление постмодерна.

В параграфе 1.4 «Трансформация ценностно-нормативной системы в культуре модерна» проводится анализ культуры, сформированной под влиянием проекта «модерн» и рыночной среды, а также индивида и тех качеств, который он приобрел в процессе данных изменений.

Мы исходим из того, что модерн как феномен можно понять только в том случае, если мы поймем аксиосферу его культуры, систему смыслов, которая формирует мотивацию индивидов, их целеполагание.

Проведенное нами исследование модерна показывает, что идея освобождения – концептуальный тренд проекта модерн – привела к радикальной трансформации аксиосферы, вначале у небольшой, но наиболее активной части общества. Однако идея освобождения по-разному интерпретировалась на разных уровнях общества: на «верхнем» уровне культуры под освобождением, в основном, понималось освобождение от невежества, насилия, несправедливости, нравственных пороков, раскрепощение высшего творческого, разумного начала в человеке, благодаря которому возможно создать общество справедливости и равенства; на «нижнем» уровне культуры освобождение оборачивалось свободой от прежних социальных ограничений, в том числе и от нравственных, освобождением низшего эгоистического начала в человеке – честолюбия, жадности, зависти и т.д. На «среднем» же уровне культуры складывается новый социокультурный образец – «экономический человек», как определили этот тип личности М. Вебер и В. Зомбарт, предприниматель, основными качествами которого являются индивидуализм как стремление к собственной выгоде и рациональность как способность считать издержки, экономить, соблюдать дисциплину и др.

Разум рассматривается в философской традиции модерна как способность индивида, позволяющая ему подняться до уровня всеобщего, осознать целое и выстраивать свое поведение на основе этого знания. Однако позднее оказалось, что рациональность экономического человека и разум, о котором говорили создатели проекта модерна, представляют собой разные вещи. Разум «экономического человека» – это инструментальная рациональность, т.е. разум, утративший стремление познать высшую истину и перешедший в разряд средств, рассчитывающий кратчайший путь к цели, в качестве которой выступает собственная выгода. Это означает, что цели теперь определяются эгоистическими устремлениями индивида, а разум ищет способы их достижения. Разумность и эгоизм перестали быть антагонистами.

Это была закономерная эволюция общества модерна, в котором эгоизм был признан нормой, естественным качеством человека, данным ему от природы, а не результатом его свободного выбора между добром и злом. Культура

приняла эгоизм как норму, перестала с ним бороться, утратила прежний иммунитет к нему, что в дальнейшем привело к формированию специфического типа личности – рационального эгоиста, утратившего способность видеть и понимать себя как часть общества и мира в целом, замкнутого на самого себя и свои желания.

Социокультурная трансформация на Западе явилась результатом длительных процессов «негативного» аксиогенеза, вытеснения традиционных ценностей на периферию. Традиционная культура на протяжении веков человеческой истории создавала ценностно-нормативную систему, имеющую в основе полярные категории добра и зла. Современная культура под влиянием рыночной среды постепенно утратила это качество. В либеральном обществе, пронизанном идеей толерантности, нравственная, ценностная, моральная индифферентность стала считаться нормой. Так называемое морализаторство – желание применить к тем или иным процессам нравственную меру – перешло в разряд порицаемого для западного человека поведения.

В главе 2 «Постмодерн как социокультурная реальность» исследованы основные отличительные признаки постмодерна, концептуализированы основания, вызвавшие парадигмальную трансформацию от модерна к постмодерну.

Постмодерн как феномен рассматривается нами прежде всего как продолжение основного тренда развития модерна – «освобождения». «Освобождение» означает расширение зоны индивидуального выбора. Если ранее индивид по факту рождения уже находился в определенных условиях существования и вынужден был к ним приспособливаться, то в ситуации постмодерна он может самостоятельно создавать свою культуру и самого себя, выбирать те аксиологические, мировоззренческие, эстетические ориентиры, которые являются лично для него приемлемыми и комфортными.

В параграфе 2.1 «Социокультурные предпосылки перехода от модерна к постмодерну» представляется актуальным обратиться к тем социокультурным изменениям, которые обусловили развитие модерна и его переход в постмодерн.

Постмодерн как социокультурный феномен отражает изменения, произошедшие в социокультурной сфере: на уровне парадигмы и тесно связанной с ней аксиосферы. Оценка этих изменений, как нам представляется, должна опираться на адекватное понимание сути происходящих в современном обществе процессов, что предполагает их комплексное, системное исследование, не ограничивающееся рассмотрением одной из сторон этих изменений. На наш взгляд, существующие в настоящее время концепции постиндустриального, информа-

ционного общества, общества риска и т.д. оставляют в стороне трансформации, происходящие в сфере культуры, и тем самым неадекватно оценивают характер и тенденции общественного развития.

В параграфе рассматриваются социокультурные трансформации второй половины XX в. – времени парадигмального перехода от модерна к постмодерну, которые коренным образом изменили культуру, общество и индивида. Отдельные социальные группы (такие, как студенчество) неожиданно оказались в авангарде общественной жизни. Другие (например, рабочий класс) функционально «размывались», постепенно сливаясь с так называемым средним классом, ставшим основой для нового типа социума с приматом потребления над производством.

Важность данных процессов для философии культуры сложно переоценить. Общество постмодерна, пришедшее на смену модерну, имело новый формат, рефлексия над которым стала прерогативой философов, позднее названных постмодернистами. Процессы перехода от модерна к постмодерну, безусловно, обладали особой сложностью, дискретно проявляя себя на социальном и духовном уровнях, что впоследствии привело к ярко выраженному изменению смысложизненных оснований бытия человека.

Для того чтобы системно осмыслить данную ситуацию, в параграфе рассматривается комплекс изменений, завершивший, на уровне социокультурной реальности, переход от модерна к постмодерну. В традиционное разделение по уровню доходов на «бедных» и «богатых» включился «средний» элемент, так называемый средний класс. Средний класс воплотил жизненную философию и культуру «рационального эгоизма» – основы постмодернистского социума «потребления», сформированного на принципах рыночной экономики. Общество дефицита, каким был модерн, перешло в общество изобилия, а центр тяжести переместился из сферы производства в сферу торговли, в сферу услуг.

Идеология модерна была идеологией общества, движущегося от бедности к богатству, от заблуждений и невежества – к знанию, от бесправия – к правовой защищенности и т.д. К концу XX века эти цели в развитых западных странах были, в основном, достигнуты. Поэтому то что называют обществом постмодерна есть на самом деле модерн, достигший своих целей: свободы, демократии, экономического процветания, правового государства, высокого уровня образования для большинства и т.д. Философия и культура постмодерна – это рефлексия модерна, который уже состоялся, освобождения, которое реализовано, и попытка ответить на вопрос, как индивиду существовать в этих новых условиях «конца истории».

В параграфе 2.2 «Генезис постмодерна: проблема начала» исследуется вопрос начала постмодерна как социокультурного явления, который остается, несмотря на большое количество отечественных и зарубежных исследований, до конца не решенным.

Началом постмодерна, на наш взгляд, может быть назван 1968 г., наиболее важным политическим и культурным событием которого стали студенческие волнения во Франции. Так называемый «Красный май» – явление, не слишком хорошо изученное, и зачастую оцениваемое крайне поверхностно. Можно увидеть закономерность в том, какую роль сыграла в политических событиях 1968 г. такая социальная группа как студенчество. Студенты послевоенных лет XX в. представляли собой новое явление в европейской истории, явившись продуктом нового типа индустриального общества мегаполиса. По сути, появилась значительная группа экономически благополучных людей, полностью свободных от каких-либо традиционных межпоколенных или же культурных связей. Эта группа, настойчиво открещаясь от здравого рационализма «экономического человека», утверждала приоритет индивидуальной свободы как сиюминутного чувственного порыва, более не сдерживаемого ценностными регулятивами и нормами.

Вкупе с общим кризисом новоевропейского рационализма, выразившимся в принципиальной неспособности отвечать вызовам постиндустриального общества, это породило принципиально новый, постмодернистский тип культуры. Французские студенты 1960-х гг., сами того не осознавая, стали первыми глашатаями культуры постмодерна и его аксиосферы, краеугольным камнем которой выступал личный эгоизм. Бунт против власти явился формой не столько политического, сколько культурного протеста против всей системы социальной иерархии, против рационального авторитета в мировоззренческих вопросах, в отношении к сложившемуся порядку вещей, его принципам и нормам, больше не казавшимся безусловными и нерушимыми. Данный протест символизировал апогей процесса культурной эмансипации, освобождения индивида от рационального авторитета, от накладываемых обществом ценностно-нормативных ограничений.

Многие из тех, кто изучал студенческие волнения, делают вывод, что революция 1968 г. стала массовым протестом против основ капиталистического общества. На наш взгляд, с этим можно согласиться только отчасти, поскольку в этих волнениях студенты отстаивали один из системообразующих принципов рыночного капиталистического общества – индивидуализм, который отчетливо проявил себя как умонастроение образованного среднего слоя.

В последующее десятилетие после событий мая 1968 г. «общество потребления» упрочило свои позиции, продемонстрировав все плюсы экономического роста для потребителя, что, несомненно, повлияло на формирование новой культуры, равно как и ослабило влияние популярных среди европейского студенчества ярких и харизматических мыслителей, как Г. Маркузе и Ж.-П. Сартр. Вместе с тем, как отмечает А.Н. Сидоров, «хотя Сартр активно поддерживал бунтарей 68-го, их идеалы во многом отрицали идеалы сартровского экзистенциализма»³⁹.

С последним утверждением невозможно не согласиться: гуманистический проект либерального социализма, построенного на экзистенциальной этике, не адаптировался к ценностным нормам постиндустриальной цивилизации. Идея неизбежности экзистенциального выбора также не могла стать массовой в условиях общества потребления, которое предоставило практически неограниченное поле альтернативных возможностей: возможностей отказаться от любых авторитетов, от любых стандартов.

В 1968 г. постмодерн произвел свою первую атаку, поставив под сомнение систему мировоззренческих координат, в которой разум по инерции еще сохранял высший статус. Данная ситуация может быть названа атакой чувственности на разум, что, в итоге, привело к существенному проигрышу последнего.

В параграфе 2.3 «Нестабильность как основа социокультурного пространства постмодерна» анализируется трансформация на уровне массовой культуры, общества и индивида постмодерна, выделяются основные черты данных изменений.

На наш взгляд, постмодерн не является антагонистом модерна, а его логичным итогом, который, по ситуации на данный момент, не близок к своему завершению, а приобретает новые формы, связанные с логикой социокультурного развития в лоне ценностей мультикультурализма. Для того чтобы обосновать данный тезис, в параграфе рассмотрены произошедшие в последние десятилетия трансформации в сфере общества и культуры, которые привели к формированию новой социокультурной реальности – постмодерна.

Нестабильность в пространстве «общества потребления» распространяется на все сферы жизни индивида и вызывает состояние тревоги, которое в ситуации культурной и аксиологической диффузии преломляется в активно поощряемый социальной матрицей консюмеризм. Не сдерживаемое рациональной логикой потребление – следствие состоявшегося освобождения, результатом

---

³⁹Сидоров А.Н. Жан-Поль Сартр и либертарный социализм во Франции (50-70-е гг. XX в.): Монография. Иркутск: ИГТУ, 2006. С.95.

чего становится разнообразие выбора не только товаров ежедневного пользования, но и, например, культуры, религии, или даже собственного гендера. Освобождение оборачивается закрепощением, зависимостью от навязанных матрицей потребления ориентиров, утратой личностной идентичности.

Потребление в постмодерне становится надындивидуальной деятельностью по приобретению не столько объекта, сколько сложившегося в обществе образа объекта, который может быть конвертирован в возможность приобщения индивида к другой (значимой в глазах потребителя) группе людей, уже этим товаром обладающих. Потребление, на наш взгляд, становится одним из способов виртуальной коммуникации, эрзацем, новым центром жизненной матрицы индивида постмодерна. Границы, ранее четко отделяющие экономические процессы от духовных процессов, стираются: культура также становится рыночным товаром и предметом потребления.

Обозначены факторы, позволяющие говорить об апогее культурного освобождения в постмодерне на уровне единичного. К таковым относятся характерные для современного западного индивида нарциссический индивидуализм, культурная индифферентность, фрагментарность мировосприятия (клиповое сознание), утрата авторитета разума в лице науки и философии (полное исчезновение образа философа-носителя истины), толерантность, принявшая формы равнодушия. «Эмансипация» на практике проявляет себя как освобождение от разума, от культуры, от стремления к духовному преобразованию собственной личности.

В параграфе 2.4 «Гиперреальность, потребление, симулякр: «фиктивный» характер постмодерна» проводится анализ понятий, составляющих семантический каркас феномена постмодерна и его культуры.

Согласно современному западному философу Д. Повеллу, «постмодерн празднует хаос и различность. Разрыв между структурой и ее функцией отражается в постмодерне. Это характеризуется непредсказуемостью и тотальным хаосом»⁴⁰. Понятие симулякра – специфической формы реальности, существующей независимо от своего исходного образца – фиксирует данный разрыв, характерный для постмодерна, в котором рациональность становится фикцией рациональности, а культура – фикцией культуры, формой без содержания.

Основываясь на проведенном в параграфе исследовании концепции французского философа Ж. Бодрийера⁴¹, можно сказать, что используемое им

---

⁴⁰Powell J., Owen T. *Reconstructing Postmodernism: Critical Debates*. New York: Nova Science PublishersIn, 2013. P. 20.

⁴¹Бодрийер Ж. *Общество потребления. Его мифы и структуры*. М.: Культурная революция, 2006. – 269 с. Бодрийер Ж. *Прозрачность зла*. М.: Добросвет, Издательство КДУ, 2012. – 260 с. Бодрийер Ж. *Символический обмен и смерть*. М.: Добросвет, Издательство КДУ, 2011. – 392 с.

понятие симулякра отражает освобождение знака от своего референта, полностью реализованное в социокультурном пространстве постмодерна.

Рассмотренные в параграфе понятия симулякра, гиперреальности, кода, потребления, пастиша и др. позволяют дать оценку социокультурному пространству постмодерна с точки зрения его симулятивного характера, основанного на дизъюнкции самой вещи и представления о ней, сформированного и навязанного потребителю социальной матрицей гиперреальности. Принцип симуляции оказывает концептуальное влияние на все сферы бытия, формируя усугубляющийся разрыв между реальностью и представлением о ней.

В процессе социокультурной трансформации исчезает идея личностных отношений между человеком и вещью, свойственных модерну. Идея вещи «освобождается» от самой вещи: вещь и ее копия в гиперреальности становятся равнозначными, тождественными по смыслу и значению. Это замещается всеобъемлющей системой безличных знаков, стереотипно формирующих псевдо-реальность, что переводит процесс потребления с частного, эмпирического уровня на глобальный, метафизический. На основании анализа работ Ж. Бодрийера потребление может быть определено как новый миф современности, как массово доступный способ духовного бытия, как эрзац культуры, что провоцирует аксиологический кризис, в котором оказывается «освобожденный» индивид в постмодерне: это кризис подлинности, идентичности, заменяемой знаком, пародией на первоначальное содержание, массовой банальностью.

Концепция Ж. Бодрийера расценивается современным австрийским философом П. Зима⁴² как апогей растущего со времен Ницше тотального агностицизма. С этим можно согласиться как минимум потому, что в постмодерне, описанном в концепции Ж. Бодрийера, исчезают реальность, значение, истина, история.

Аксиосфера культуры в гиперреальности трактуется Ж. Бодрийером как подделка самой себя, иллюзия существования в обход самого существования. Вещь и ее копия становятся равнозначными, тождественными по смыслу и значению. Поэтому искусство и культура, равно как и сам индивид, находятся в состоянии кризиса, – кризиса уникальности, подлинного авторства, замещенного на прогрессирующую банальность.

В параграфе 2.5 «Постмодерн как продукт неокapитализма» исследуется актуальность использования методологии неомарксизма в применении к процессу парадигмальных изменений. Основанием для данного исследования служит концепция американского философа, представителя неомарксизма Ф.

---

⁴²Zima P. Modern/Postmodern: Society, Philosophy, Literature. Great Britain: Bloomsbury Academic, 2012. – 328 p.

Джеймисона⁴³, согласно которой культура постмодерна является результатом скачкообразного развития капитализма в XX в., его переходом в мультинациональную стадию. Таким образом, фундаментом социума постмодерна выступает капитализм глобального уровня, на котором происходит экспансия капитала в ранее «неподвластную» сферу философии и культуры, что привело к ее существенной деформации.

Можно сказать, что Ф. Джеймисон развивает на новом уровне линию Ж. Бодрийяра, который также заявлял об оккупации идеей потребления всех сфер бытия индивида. Это является правомерным, с учетом того, что в постмодерн, как ни в какую другую историческую эпоху, активно включен трансрыночный фактор потребления, управляющий обществом и детерминирующий векторы его развития. Соответственно, если буржуазному капитализму соответствует эпоха модерн, то постмодерн является порождением мультинациональной циркуляции зрелого капитализма, что выступает как расширение границ марксизма в отношении его классической версии. Неомарксизм в лице Ф. Джеймисона предлагает искать основу постмодерна в смешении деклассированного социального порядка с симуляционным типом реальности. Следствием этого является вступление капитализма в «транснациональную» фазу.

На наш взгляд, невозможно не согласиться с наличием объективных факторов, детерминирующих изменения общества и культуры: экономический спад, пришедший на смену послевоенному производственному буму, вызвал режим накопления, который обусловил расширение капитала. Создавшаяся на этой основе спекулятивная система стала фундаментом культуры постмодерна⁴⁴. Как верно отмечает в данной связи критик неомарксизма П. Андерсон, «постмодерн возник как культурная доминанта в беспрецедентно богатом капиталистическом обществе с очень высоким средним уровнем потребления. Культура постмодерна – это не просто набор эстетических форм, это еще и технологический комплекс»⁴⁵.

Согласно нашей гипотезе, процесс социокультурной трансформации, начался значительно раньше, чем указывает Ф. Джеймисон, а именно в эпоху модерна. Однако мы согласны с предложенной Ф. Джеймисоном концепцией, согласно которой постмодерн представляет собой специфическую форму мутации модерна, произошедшую, в том числе, под воздействием объективных со-

---

⁴³Jameson F. Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism (Post-Contemporary Interventions). USA: Duke University Press, 1991. – 433 p.

⁴⁴ Jameson F. Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism (Post-Contemporary Interventions). USA: Duke University Press, 1991. P.256

⁴⁵ Андерсон П. Истоки постмодерна. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. С.148.

циальных изменений, вызвавших новую, «транснациональную» стадию капитализма и спровоцировавших появление нового типа культуры.

В параграфе анализируются понятия пастиша и реификации. Пастиш точно фиксирует состояние современного субъекта, который утрачивает способность к упорядочиванию личного опыта исходя из ощущения историчности как единого фильтра, сквозь который идет поток эмпирического и теоретического опыта. Можно сказать, что аксиосфера модерна в процессе социокультурной трансформации приобрела характер пастиша, лишившись авторитетной роли, утратив системообразующие функции в жизни «освобожденного» от ценностных нормативов современного индивида.

В главе 3 «Постмодерн как проект: тренд «освобождения»» проводится анализ философского содержания постмодерна. Согласно нашей гипотезе, постмодерн как философская парадигма также является результатом социокультурной трансформации и эмансипации индивида как ее фундаментального тренда, что проявляется в освобождении от рационального, от логоцентризма, от понятия структуры, от субъекта и объекта в когнитивном процессе.

В параграфе 3.1 «Парадигма постмодерна – «освобождение» от традиционной онтологии» исследуется проблема семантики постмодерна, анализируются основные принципы, лежащие в основе постмодерна как философской парадигмы.

Согласно проведенному анализу, генезис концептуальных принципов философской парадигмы постмодерна начался с момента лингвистического поворота в философии. Состоявшийся в начале XX века лингвистический поворот был переходом к новой трактовке реальности, предлагающей принципиальную плюральность, семантическую множественность и вещественную хаосомность. Возник феномен пограничной (междисциплинарной) методологии, следствием которого явилась, как пишет Ю.Н. Гирин, «онтологизация знака»⁴⁶, творение нового языка. Основная идея отражающая данные изменения структуралистской доктрины заключается в поиске в любых областях реальности стабильных структур, выявление которых позволяет сформировать относительно устойчивое представление об объектах анализа.

Основные представители структурализма пытались дать множество различных трактовок природы реальности. Для Ф. Соссюра, как и для К. Леви-Стросса⁴⁷, структурный анализ все еще апеллирует к понятию объективности. Это процесс, преобразующий «естественный» уровень человеческой личности в новое качество, который осуществляется посредством коммуникативной сущ-

---

⁴⁶ Гирин Ю.Н. Онтологизация знака в культуре авангарда // Вопросы философии. 2012. № 11. С.54-60.

⁴⁷ Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. – 695 с.

ности языка как универсальной знаковой системы. Понятие о предмете и сам предмет являются неразрывное целое. В дальнейшем логика структурализма развивается в направлении актуализации реальности исключительно с помощью языковых измерений. Это связано с тотальным отторжением рационализма и детерминизма, линейных схем мышления. Структурализм вытесняется из эпицентра научных интересов, и заменяется постструктурализмом. Кризис понятия структуры вызвал переход к ситуативным моделям описания реальности. Постструктуралисты Р. Барт и Ж. Лакан⁴⁸ концептуализируют в своих работах критическую рефлексию против рационализма, порядка и традиционной онтологии.

Как известно, закрепление термина «постмодерн» в философии связано с выходом работы Ж.Ф. Лиотара «Состояние постмодерна»⁴⁹ в 1979 г. Ж.Ф. Лиотар публично отказался от наследия классической философской науки, выразив характерный для философии XX в. отказ от рационального авторитета. Сущность постмодерна, по Ж. Лиотару, заключается в систематическом исчезновении идеологических концептов (метанарративов), занимающих на протяжении всей истории человечества мощнейшие мотивационные суперпозиции. Взамен утраченных нарративов приходит эпоха ситуационности, перформативности восприятия, дискретности суждений, отсутствия единых идейных принципов.

Структура поля, формируемого парадигмой постмодерна, целиком основана на непрочном маятнике человеческого рассудка, балансирующем между возможностью и вероятностью. Реальность постмодерна понимается как «возможность ничто, ставшая действительным в особых вероятностных условиях»⁵⁰. Хаос получает особый статус: фактически его нет, но вместе с тем именно он задает границы существования объектов. Хаос больше не является пустым бесформенным вакуумом – это пространство специфического экзистирования структур, смыслов и понятийных дискурсов.

Категориальный аппарат, сложившийся в философской парадигме постмодерна, направлен на деконструкцию, деонтологизацию объектов, на переход от изучения вещей к осмыслению отношений между ними – по сути, на эмансипацию от так называемой «вещности» в пользу принятия положения о принципиальной неустойчивости, текучести, нестабильности, отсутствии четких границ явлений и процессов.

---

⁴⁸Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. / М.: Прогресс, 1989. 616 с. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М.: Гнозис, 1995. – 192 с.

⁴⁹Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.

⁵⁰Дугин А.Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М.: Евразийское движение, 2009. С. 392.

Эпистемологический сдвиг, произошедший в парадигме постмодерна, – апогей длительного процесса преобразования парадигмальных оснований «общества знания» в «общество информации», в котором хаотичная пролиферация ценностей и смыслов становится нормой. Данная ситуация явилась, на наш взгляд, результатом начатого в модерне процесса освобождения индивида, в котором разум постепенно утрачивает способность быть внешним авторитетом в процессе познания, равно как и, в целом, системообразующим фактором человеческой жизни.

В параграфе 3.2 «Отказ от логоцентризма как концептуализация идеи освобождения» исследуются понятия «тела без органов», «шизоанализа», «переоткрытия времени», «нонсенса» и др., содержательно отражающие иную по отношению к модерну «пост-логическую» концептосферу. Последняя представляет собой, согласно нашей гипотезе, результат «освобождения» от идеи порядка и иерархии, «вытеснения» логоса на периферию мышления. Логос в западноевропейской философской традиции выступал персонификацией структуры, иерархии, рациональности, детерминирующей мировоззренческую систему координат как предзаданную высшим упорядочивающим началом. Данная модель, согласно философии постмодерна, исчерпала свое содержание. Логос уходит на второй план, уступая место хаосу.

Постмодернистская философия признает, что никакого конфликта между хаосом и логосом нет. Хаос и логос рассматриваются как равнозначные, взаимобратимые и взаимозаменяемые величины. Для того чтобы зафиксировать данное тождество, постмодернистами используется понятие хаосмоса. Хаосмос обозначает особые процессы в среде, которые не могут быть оценены в общепризнанных категориях, фиксирующих состояние бинарности (такие как хаос и порядок, смысл и бессмыслица и пр.).

Идея рассмотрения не только объекта, но и самого субъекта как хаосмического связана с предложенным французскими философами Ж. Делезом и Ф. Гваттари понятием нонсенса⁵¹, являющимся результатом переоценки категории смысла в современном познании, а, по сути, отказом, освобождением от ключевой доминанты смысла в процессе познания. Нонсенс символизирует реструктуризацию текстового содержания, направленную на выявление периферийных с точки зрения рационального мышления форм.

Образ «шизофреника», столь часто используемый в трудах постмодернистов (в том числе в работах Ж. Бодрийяра, Ф. Джеймисона и др.), практически манифестируется в философии Ф. Гваттари и Ж. Делеза. Французские филосо-

---

⁵¹ Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб.: Алетейя, 1998. – 286 с.

фы полагают, что субъект и хаос очень сходные величины, нет ничего более родственного хаосу, чем мир субъектности.

Произведенное философами-постмодернистами когнитивное смещение категориального аппарата философии от порядка к хаосу, от смысла к нонсенсу имело целью создать собственную «горизонтальную» систему оценочных категорий реальности, кардинальным образом отличную от «вертикальных», то есть иерархичных модернистских схем. Некоторые используемые постмодернистами методы, в частности, метод «шизоанализа», были направлены, по сути, на отказ от любых налагаемых на индивида ценностных и моральных ограничений, на тождество нормального и девиантного, на равенство хаоса и порядка.

В параграфе 3.3 «Освобождение от структуры и смысла: ризомное мышление» анализируется концептуальное для постмодернистской философии понятие ризомы, применение которого направлено на отказ от структуры, на «горизонтальную» пролиферацию смыслов и ценностей вместо иерархически выстроенной понятийной вертикали модерна.

Согласно нашей гипотезе, ризомность нивелирует представление о наличии структуры исследуемого объекта, символизируя эмансипацию как от рационального авторитета в процессе познания, так и от иерархии мышления в целом. Ризома представляет собой результат длительного процесса «освобождения» от системообразующей роли традиции: «ризомы антигенеалогичны. Это короткая память, точнее – антипамять. Ризома развивается, варьируя, расширяя, завоеывая, схватывая, внедряясь»⁵².

В противовес структуре ризомность предстает как бесконечно существующий во времени и пространстве тип организации, организацией, как таковой, не обладающий. Мир в постмодерне утратил свой логоцентрический каркас, обратившись в сплошной категориальный диссонанс бесконечности. Ризомы приобретают абсолютно любые конфигурации, никогда не исчезают и ниоткуда не появляются.

В философии постмодерна «древообразные парадигмы мозга уступают место ризоматическим фигурам, системам без центра, сетям конечных автоматов, хаотичным состояниям»⁵³, а смысл обретает семантическую подвижность, изменчивость и конфигуративную мобильность собственных форм. Смысл становится неявным, трудно обнаружимым причудливым пересечением множества случайных факторов. Французские постмодернисты отказываются от объективного содержания категории смысла, связанной с образом логоса, в сторону

---

⁵²Deleuze G., Guattari F. Rhizome. Introduction. Paris: Les Editions de Minuit, 1980. P. 335.

⁵³Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб.: Алетейя, 1998. С. 160.

принципиальной хаотической текучести феноменов, данным смыслом как константой не обладающих.

По мнению Ж. Делеза⁵⁴, смысл становится априори событийным, ситуативным, место истины занимает категория смысла. Как отмечает в данной связи Л.А. Маркова, «отождествляя истину со смыслом-событием, Делез выводит ее за пределы отношения субъекта и предмета. Смысл нейтрален к определенностям субъекта и объекта, внутреннего и внешнего, индивидуально и коллективного, особенного и общего. <...> Поскольку центр тяжести переносится в философии Делеза в сферу смысла, истина утрачивает свое значение»⁵⁵.

«Логика смысла» выражает отказ от классического понимания субъектности, что призвано вывести субъекта на трансцендентный уровень, где универсум, наполненный номадическими структурами, ризомными поверхностями и недифференцированными сингулярностями открывается во всей полноте. Индивидуальность в постмодернистской интерпретации заново порождается этими «формами», посредством чего конструируется логика смысла как логика возможности существования несоразмерных друг другу объектов.

Параграф 3.4 «Освобождение от субъекта и объекта» содержит исследование изменения субъект-объектных отношений, вызвавшего кризис индивидуальной идентичности индивида на стадии завершения процесса социокультурной трансформации.

Переходный этап от модерна к постмодерну актуализировал кризис индивидуальной идентичности, производной от кризиса картины мира. Культурная традиция модерна, воспринимающая личность в свете объективных взаимосвязей между субъектом познания и универсумом, сменяется в постмодерне доминантой Я как непрочной, изменчивой структуры, артикулируемой с точки зрения собственной нестабильности.

Данная ситуация является, согласно нашей гипотезе, следствием освобождения от рационального авторитета в процессе парадигмального перехода от модерна к постмодерну, в результате чего происходит расщепление субъекта познания на множество частных, контекстуальных характеристик, не имеющих единой смысловой константы. Постмодернистская идея «смерти субъекта» отражает не только изменение границ «классических» субъект-объектных отношений, но и последующее устранение самой идеи субъекта познания. Субъект «умирает», сменяясь конгломератом ситуативных состояний. Речь идет не столько о «смерти» субъекта как носителя действия, сколько об его исчезновении в детерминированном причинно-следственными отношении пространстве,

---

⁵⁴ Делез Ж. Логика смысла. М.: Раритет, 1998. С.167.

⁵⁵ Маркова Л.А. Философия из хаоса. М.: Канон, 2004. С. 186.

что, в итоге, обуславливает кризис индивидуальной идентичности как системной утраты «точек опоры», основанных на рациональной логике.

В процессе перехода от модерна к постмодерну происходит эмансипация не только от фигуры субъекта, но и от идеи самого объекта познания. Данная ситуация рассмотрена в параграфе, в том числе, на примере авангарда как художественно-философского направления первой половины XX в., в котором характерно отразилась деформация модернистских представлений об универсуме, следствием чего явилась трансформация культуры в целом и эстетических канонов в частности. Авангард как носитель деформированной культуры позднего модерна, освобождающейся от рациональных регулятивов, выполнил миссию смысловой децентрации, предполагающую концептуальное декодирование семиотических оснований бытия как рационально организованной системы.

Авангардисты прокламировали нефигуративность истины, заменяя ее абсурдом, отказавшись от бинарных категорий истины и лжи, хаоса и порядка, добра и зла, красоты и уродства: субъект и объект полностью исчезают, становясь «вещностью» и «предметностью». В авангарде выходят на первый план не сами вещи, а отношения между вещами. Можно сказать, что последующая трансмутация объекта в философской парадигме постмодерна была отчасти обусловлена уже имеющейся на тот момент авангардистской практикой.

В постмодерне объект окончательно подменяется формальным представлением об объекте, зависящим от многочисленного спектра ситуативных характеристик: происходит не только эмансипация от субъекта и объекта, но и от предметности (вещности). Вещь – это уже не просто некий материальный предмет, – это контекстуализированный образ, который может быть с исходным предметом связан, а может существовать самостоятельно. Решение того, как именно проявляется эта связь, предлагает автор, при этом диапазон предложений полностью субъективен по критериям.

В главе 4 «Анти-модерн в постмодерне: борьба противоположностей» произведен анализ традиционализма как семантически противоположной модерну концепции общества и культуры, сформировавшейся, однако, в русле позднего модерна и получившей дальнейшее развитие в постмодерне. Также в главе рассмотрены перспективы трансформации социокультурного пространства после постмодерна, осмыслены потенциальные возможности изменения индивида и культуры.

Параграф 4.1 «Традиционализм как начало анти-модерна» содержит исследование традиционализма как одного из самых известных анти-модернистских направлений XX в., апеллирующего к отказу от основополага-

ющих для модерна принципов и трендов и возврату к идее традиции, что должно символизировать восстановление утраченного примата духовного бытия над материальным.

Освобождение индивида, и результат, к которому оно привело в обществе и культуре, вызвало отпор в элитарном движении, в которое входили многие из выдающихся представителей творческой интеллигенции современности. В частности, речь идет о таких знаковых для XX в. фигурах, как Р. Генон, Ю. Эвола, М. Элиаде и др.

Интегральный традиционализм содержит спектр идей, вызванных отторжением modernity с позиции метафизического начала – традиции, возврат к которой строится на основе перестройки духовного бытия и культуры индивида. В параграфе проводится анализ таких составляющих доктрины традиционализма, как «примордиальная традиция», «принцип», «инициация» и др. Посредством данных понятий в лоне традиционализма вырабатывается идея о двух семантически противоположных друг другу парадигмах мышления – традиционной и современной, о процессе духовной и культурной деградации, апогеем которой может быть назван постмодерн.

Одной из характеристик современного общества становится индивидуализм. Индивидуализм отождествляется Р. Геноном с понятием профанного, с актуализацией индивидом исключительно прикладных способностей с целью интеграции в социум, признающий только практическую значимость навыков. Личная выгода, возведенная в абсолют, доминирует над интеллектом, что касается также и метафизики, сведенной к совокупности рассудочных посылок и выводов в противовес генетически первичной интеллектуальной интуиции. «Псевдо-» становится в поздней современности ключевой приставкой ко всем знаковым категориям культуры, этики, эстетики, философии, более не несущим в себе никакого эссенциального содержания. Генон, по сути, уникальным образом предугадывает социокультурную ситуацию, кульминация которой наступила несколько десятков лет спустя времени написания работы «Кризис современного мира»⁵⁶.

Интегральный традиционализм выступает против общества потребления, против западного гуманизма как утилитаризма, жизненной ориентации на материальный комфорт в ущерб духовным ценностям. С 1970-х г. XX в., – времени расцвета постмодерна, интерес к традиционализму резко возрастает, что показывает неоднородность пространства постмодерна, в котором, наравне с состоявшейся эмансипацией индивида, формировались радикально контр-модернистские настроения.

---

⁵⁶Генон Р. Кризис современного мира. М. Эксмо, 2008. – 779 с.

Традиционализм антирационален: идея рационального полагается атрибутом современности и противопоставляется идее духовной традиции, исторически утраченной. На наш взгляд, правильнее было бы сказать о деформации рационального: рациональность кардинальным образом искажается в процессе социокультурной трансформации, что вызвано противоречивостью самого проекта модерна, идеологи которого попытались соединить воедино «высший» и «низший» уровни культуры – рациональное и чувственное, благодаря чему приоритет разума в раннем модерне уступил место примату чувственно-эмоциональных потребностей в постмодерне.

В параграфе 4.2 «Образ общества, индивида и культуры в «популярном традиционализме» анализируется процесс популяризации традиционализма, его перехода из эзотерической доктрины к доступной массам общественной тенденции.

Среди западных исследователей существует точка зрения, состоящая в признании органичного сосуществования традиционализма и постмодерна в пространстве современности – более того, традиционализма как куда более радикального антипода парадигмы модерна, чем это может быть представлено в постмодерне. Традиционализм как антимодернистское движение в постмодерне рассматривается в работе П. Кинга «Состояние антимодерна: аргументы против прогресса».⁵⁷ Самыми активными критиками модерна выступают, по мнению П. Кинга, традиционалисты (а не постмодернисты, как принято считать). Признание того, что индивид эпохи постмодерна может также существовать внутри традиционного, даже архаического парадигмального каркаса (как рассмотрено, например, в трудах М. Элиаде⁵⁸) является очевидной отсылкой прежде всего к проекту «модерн» и, затем, к постмодерну как его закономерному итогу.

Наибольший рост популярности традиционалистских авторов приходится на промежуток между 1970-ми и 1990-ми гг. XX в. – времени расцвета философии постмодерна. Некоторые современные западные исследователи⁵⁹ отмечают реформаторский характер традиционализма в пространстве культуры современности, миссией которого становится создание новых культурных мифов, новых коллективных архетипов взамен утраченных.

Характерным примером контр-модерна в рамках традиционализма в XX в. является деятельность итальянского философа Ю. Эвола.⁶⁰ Английский профессор П. Фурлонг в своем исследовании делает акцент не на анти-либерализме

---

⁵⁷King P. The Antimodern Condition: An Argument Against Progress. London: Ashgate Pub Co, 2014. – 128 p.

⁵⁸Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Академический проект, 2014. – 235 с.

⁵⁹Wasserstrom S. Religion after Religion: Gershom Scholem, Mircea Eliade, and Henry Corbin at Eranos. Princeton University Press, 1999. – 384 p.

⁶⁰Evola J. Revolt Against the Modern World. Vermont: Inner Traditions, 1995. – 375 p. Evola J. The Path of Cinnabar. USA: Arkotos Media Ltd, 2009. – 304 p.

Эволы, снискавшем ему в свете европейской истории негативную репутацию, а на конструктивном характере его антиглобалистских взглядов, приобретающих, несомненно, все большую актуальность в современном обществе, где число антиглобалистов и сторонников сохранения этнической идентичности растет с каждым днем⁶¹.

Новый всплеск интереса к политически ориентированному, «практическому» традиционализму Ю. Эволы связан с деятельностью европейской организации «Новых правых» и ее основателя и идейному вдохновителя, французского философа Алена де Бенуа⁶². В переломный для европейской истории 1968 г., символизирующий точку отсчета для постмодернистского социума, образовалось течение, которое можно охарактеризовать с позиции «популярного традиционализма». Данное течение, безусловно, являлось и является очевидным контр-постмодернистским проектом. А. де. Бенуа подвергает современное европейское общество резкой критике. В частности, им вводится понятие «либерально-капиталистического потребления»⁶³, ставшего новой религией для современного индивида. Право на свободу потребления становится для индивида единственной возможностью самореализоваться в ситуации полной оторванности от традиции, потери своего прочного и устойчивого места в социокультурном пространстве.

Неудачи политики мультикультурализма в современном мире расцениваются традиционалистами как закономерное следствие губительной для европейской цивилизации попытки сближения на рыночной, материальной, а не на этнической, национальной, культурной основе. Сложно однозначно сказать, станет ли традиционализм в той или иной форме альтернативой постмодерну в сфере культуры. Вполне возможно, что традиционализм останется контр-версией модерна и постмодерна как итога его развития, – версией, которая перестанет быть актуальной с превращением постмодерна в новую парадигму, очертания которой еще недостаточно ясны. Однако есть основания предполагать, что «популярный» традиционализм закрепит свои позиции в современном социокультурном пространстве, что окажет существенное влияние на общество и культуру после постмодерна, – эпоху, в которой разрыв с традицией и социокультурный кризис завершится формированием новых ценностных ориентиров и обновлением культуры.

Параграф 4.3 «Социокультурное пространство после постмодерна» содержит анализ различных тенденций, призванных обозначить контуры соци-

---

⁶¹Furlong P. Social and Political Thought of Julius Evola. Abingdon: Routledge, 2011. P.8.

⁶²Бенуа А. По ту сторону прав человека. / М.: Институт Общегуманитарных исследований, 2015. – 144 с. Бенуа А. Религия прав человека // Мужество ради идентичности. Германия, Структур:Туле-библиотека, 1988. – 398 с.

⁶³Бенуа А. По ту сторону прав человека. М.: Институт Общегуманитарных исследований, 2015. – 144 с.

окультурного пространства пост-постмодерна. Рассматривается фигура индивида – носителя новых ценностно-нормативных регулятивов и возможность их реализации в будущей перспективе после постмодерна.

Пост-постмодерн – условное название новой парадигмы, отражающее те изменения в обществе и культуре, которые уже начали происходить. Такие исследователи, как В.В. Бычков и Н.Б. Маньковская⁶⁴ фиксируют определенные тенденции в культуре постмодерна, согласно которым имеет смысл говорить о пост-постмодерне. Речь идет о технологизации сферы культуры и искусства, об усилении виртуализации и создании новых форм техно-образов, отражающих реальность в соответствии с изменениями внутреннего состояния художника – индивида на пороге пост-постмодерна. Интерактивная пост-эстетика, несомненно, меняет образ автора произведения, превращая его в наблюдателя, интерпретатора своего собственного творения. С другой стороны, эмансипация от фигуры автора, субъекта, состоявшаяся, согласно нашей гипотезе, в пространстве постмодерна, уже максимально обозначила данную тенденцию. Пост-эстетика может быть названа усилением эстетики постмодерна, но вряд ли в действительности выступает новой эстетической парадигмой.

Будущий рост технических возможностей (что сегодня представляется самым точным прогнозом) самовыражения индивида-носителя культуры вероятнее всего приведет к усилению и так существующего в рамках освобождения от субъекта разрыва между автором и его произведением, существование которой мыслится автономно. С одной стороны, все это уже присутствует в постмодерне. С другой стороны, современные исследователи обращают внимание на то, что игровой, несерьезный элемент, пронизывающий все социокультурное пространство постмодерна, постепенно уходит. В повседневности его сменяет патристическая эстетика, ностальгия, обращение к лирике. Данная ситуация в сфере культуры называется относительно устоявшимся в отечественном научном сообществе термином «трансэстетизм», что подразумевает апелляцию к романтизму без свойственной постмодерну пародии, иронии, пастиша. На наш взгляд, тенденция трансформации постмодернистского пастиша и иронии в пока еще достаточно клишированную серьезность будет являться одной из самых важных семантических составляющих пост-постмодерна. На этом фоне отказ от пародии, от игры может служить симптомом изменений, являющихся не дополнением постмодерна, как это можно сказать об иных вышеприведенных характеристиках пост-постмодерна (виртуализация, развитие интернета и медиа, технообразы и др.), явно наличествующих в самом постмодерне.

---

⁶⁴Бычков В.В. Эстетика. М.: Гардарики, 2004. – 554 с. Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. М.: Алетей, 2000. – 347 с.

На наш взгляд, безусловно, имеет смысл говорить о контурах новой, пост-постмодернистской парадигмы, но вряд ли эти контуры являются очерченными. На данный момент, социокультурное пространство представляется очевидно постмодернистским. Альтернативу, базирующуюся на отказе от постмодернистской иронии, от пастиша, от индивидуализма, предлагает традиционализм, остающийся, тем не менее, все еще на «высшем» уровне культуры, на уровне проекта, а не социокультурной реальности.

В заключение подводится итог исследования, делаются основные выводы проведенной работы.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

Монографии:

1. Рендл М.В. Трансформация современности: модерн и постмодерн как социокультурные феномены. – М.: Русайнс, 2016. – 214 с.
2. Любченко В.С., Рендл М.В. Социокультурное пространство XX в.: многообразии когнитивных практик. – М.: Русайнс, 2016. – 194 с.

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых журналах и изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации:

1. Максимова М.В. Фракталы в современной синергетике // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Серия «Общественные науки». – 2011. – № 1. – С. 8-12.
2. Максимова М.В. Постмодерн: многообразие дефиниций // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Серия «Общественные науки». – 2013. – № 6 – С. 5-9.
3. Максимова М.В. Хаос как концептуальный модуль постнеклассической науки: социогуманитарные и философские аспекты // Вестник ЮРГТУ (НПИ). Социально-экономические науки. – 2013. – № 2. – С. 209-214.
4. Максимова М.В. Гносеологический статус истины в пространстве постмодерна // Научная мысль Кавказа. – 2014. – № 1. – С. 29-32.
5. Максимова М.В. Онтологический хаос в концепции Ф. Джеймисона // Теория и практика. – 2014. – № 3. – С. 24-28.

6. Максимова М.В. Реальность как симулякр в социальной теории эпохи постмодерн // Вестник ЮРГТУ (НПИ). Социально-экономические науки. – 2014. – №2. – С. 138-144.
7. Рендл М.В. Актуализация метафизического хаоса в современной философии // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2014. – № 3 (16). – С. 127-136.
8. Рендл М.В. Жан Бодрийяр как ведущий теоретик постмодерна // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2014. – №1(27). – С. 144-148.
9. Рендл М.В. Социальная реальность как симулякр: плюрализм социокультурных характеристик // В мире научных открытий. – 2014. – № 11.3.(59). – С. 1279-1291.
10. Рендл М.В. Кризис как концептуальная составляющая постмодернистского социума // Вестник ЮРГТУ (НПИ). Социально-экономические науки. – 2015. – № 5. – С. 136-141.
11. Рендл М.В. Многообразие эпистемологических трендов в современном социогуманитарном пространстве. // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Серия «Общественные науки». – 2014. – № 6(184). – С.16-21.
12. Рендл М.В. Модель «открытого производства» в социокультурном пространстве постнеклассической научной парадигмы // Вестник Самарского государственного университета. – 2015. – №1(123). – С. 28-34.
13. Рендл М.В. Неклассическая методология К.Малевича: начало постмодернистской парадигмы мышления // Теория и практика общественного развития. – 2015. – №16. – С. 183-187.
14. Рендл М.В. Социальная эпистемология в современной научной парадигме // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Серия «Общественные науки». – 2015. – №2 (186). – С. 5-10.
15. Рендл М.В. Социокультурное пространство начала XX в.: формирование новой парадигмы мышления // Вестник Новосибирского государственного университета (Сибирский философский журнал). Серия Философия. Т.13. – 2015. – №4 – С. 77-82.
16. Рендл М.В. Супрематическая онтология и ее философские аспекты в творчестве К. Малевича // Вестник Моск. ун-та. Серия 7. Философия. – 2015. – № 5. – С. 107-116.
17. Рендл М.В. Трансформация фундаментальных философских категорий в парадигме постмодерна // Теория и практика общественного развития. – 2015. – №11. – С. 210-214.

18. Рендл М.В. Фактор случайности и роль индивида в распространении интеллектуальных тенденций в социальном пространстве (в концепции Р. Рорти) // Научная мысль Кавказа. – 2015. – №4(84). – С. 55-61.
19. Рендл М.В. Персонифицированный индивидуализм: образ индивида в социокультурном пространстве постмодерна // Гуманитарий Юга России. – 2016. – № 4. – С. 119-126.
20. Рендл М.В. Социокультурные основания общества модерна: концептуализация идеи «освобождения» индивида // Гуманитарий Юга России. – 2016. – № 6. – С.142-148.
21. Рендл М.В. Традиционализм в пространстве постмодерна: выход из культурного кризиса? // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 1. – С. 49-51.

Другие публикации:

22. Максимова М.В. Общество XXI века – «цивилизация инноваций»: методологические аспекты // Вестник Российского философского общества. – 2009. – № 1 (49). – С. 190-192.
23. Максимова М.В. Методологическая инноватика в постнеклассическом научном познании // Социально-гуманитарное познание в контексте философской инноватики. Сб. трудов междунар. науч. конф. / Под ред. А.М. Старостина. Ростов н/Д.: Ростов. кн. изд-во. – 2013. – С. 134-136.
24. Максимова М.В. Эпистемологические концепты постмодерна в системе современного научного знания // Компаративное измерение философской инноватики. Сб. научн. трудов / Отв. ред. А.М. Старостин. – Ростов-н/Д: Донское книжное из-во, 2014. – С. 236-239.
25. Максимова М.В. «Субъект синергетического познания» и его место в современной науке // Лосевские чтения: труды всерос. ежегодн. научн. конф. г. Новочеркасск, май 2013 г. – Новочеркасск: Лик, 2014. – С. 126-129.
26. Рендл М.В. Постмодернистская рефлексия в контексте постнеклассической научной парадигмы // Цивилизационная парадигма в философии и смысло-жизненная рефлексия. Сб. трудов научн. конф. с международ. участием. г. Ростов н/Д, июнь 2015 г. – Ростов н/Д: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015. – С. 277-281.
27. Рендл М.В. Эпоха постмодерна: основные черты современного социума / Достижения и проблемы современной науки: сборник научных трудов по

результатам IV Междунар. науч.-практ. конф. СПб, 29 дек. 2015 г. // Науч. журнал "Globus". – СПб., 2015. – С. 20-23.

28. Рендл М.В. Матрица постмодерна: актуальные характеристики социального пространства // Актуальные вопросы общественных наук в современных условиях развития страны: сб. науч. тр. по итогам III Междунар. науч.-практ. конф., 11 янв. 2016 г. ИЦРОН. – СПб, 2016. – Вып. III. – С. 24-26.

29. Рендл М.В. Кризисный компонент современного общества // Актуальные вопросы и перспективы развития общественных наук: сб. науч. тр. по итогам международной научно-практической конференции. 11 мая 2016 г. ИЦРОН. – Омск, 2016. – Вып. III. – С. 40-42.